

Максим Медведский

Ангелы забыли обо
мне

16+

Максим Медвецкий

Ангелы забыли обо мне

«Автор»

2021

Медвецкий М.

Ангелы забыли обо мне / М. Медвецкий — «Автор», 2021

Тяжёлое восхождение в гору не столь обременительно, как свободный полёт вниз. Потерять социальное положение и материальные атрибуты не так страшно - сложнее потерять самого себя. Как найти источник силы, чтобы вырваться из пучины неприглядных обстоятельств и прервать путь внутренней деградации? Затяжное депрессивное состояние, управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, трагическая авария, два тела распростёртых на асфальте, отсутствие свидетелей. Черта невозврата пройдена, остаётся сделать последний нравственный выбор. Принять груз собственной вины и оказать жертвам несчастного случая посильную помощь, или совершить подлый побег, опасаясь заслуженного наказания.

Содержание

Пролог	5
Начало	6
15 сентября	10
16 сентября	12
17 сентября	14
18 сентября	17
19 сентября	22
24 сентября	24
25 сентября	26
3 октября	30
4 октября	33
5 октября	34
6 октября	37
14 октября	38
15 октября	40
16 октября	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Максим Медвецкий

Ангелы забыли обо мне

Пролог

Пожалуй, у каждого человека в жизни рано или поздно, каждый сталкивается с этим именно в своё, специально отведённое для этого время, наступает момент, когда бывшие ценности уже не являются основополагающими началами. Когда всё то, во что человек безоговорочно верил, все идеалы и непоколебимые знания о том, что именно он живет, так как нужно, разлетаются на мелкие невидимые осколки. В жизни каждого человека наступает день, который ставит под сомнение весь смысл прожитых дней. Он встаёт перед человеком незримой преградой, подталкивая его к сложному внутреннему диалогу, провоцирует многочисленные вопросы из разряда субъективных истин, ответы на которые ещё вчера казались однозначными и пролегающими далеко за горизонтом ежедневных решений. Этот непростой день достаточно прямолинейно и ясно, используя лишь неопровержимые факты, показывает человеку, кем он является на самом деле. Этот определяющий день полностью ломает его представление о собственной персоне, удаляя из одуряченного мозга, словно ненужный файл, все укоренившиеся убеждения внутренней и внешней значимости, даёт понять, что он совсем не тот, кем считал себя долгие годы. И вот такой день настал и в моей жизни.

Теперь я прекрасно понимаю людей, которые никогда ранее этим не занимаясь, берут обычную шариковую ручку, кладут перед собой тетрадь и начинают писать. Они ещё и сами не знают с чего именно начать, но обязательно первым делом аккуратно выводят посередине листа текущую дату, которая свидетельствует не о времени года или конкретном дне недели. Основная её функция заключается в том, чтобы человек её написавший осознал, что он всё ещё жив.

Начало

Ещё совсем недавно жизнь представлялась мне светлым праздником. Я думал, что получил от этого мира практически всё, чего страстно желал долгие годы. Я радовался и наслаждался своими свершениями и достижениями, и тогда мне казалось, что действительно есть чем гордиться. Да, так оно и было! Ну, посудите сами, я начал свою жизнь в небольшом провинциальном городке, который ненавидел всей душой ещё с самого раннего детства, и единственной моей целью было вырваться из его цепких объятий. Только сделать это было не так-то и просто, и удавалось считанным единицам, и именно они и были для меня настоящими героями, а не киношные супермены, ловко ломающие ногами бетонные стены. Действительно, родной город совершенно не желал расставаться со своими коренными жителями, предоставляя им ряд, казалось бы, весомых причин, по которым они откладывали свой переезд в лучшие места на неопределённый срок. И череда таких «важных» причин постоянно пополнялась, они планомерно сменяли друг друга, постепенно отдаляя человека от его внезапного, а порой и правильного побуждения. И ему ничего не оставалось, кроме блаженного смирения и тихих упрёков в адрес неприглядной судьбы. Где-то в глубине своей отчаявшейся души он продолжал верить, что возможно его дети смогут вырваться из этого замкнутого круга. А они... Что ж, через годы, сидя на кухне за родительским столом они ещё не раз будут вспоминать и с гордостью рассказывать своим дискуссионным оппонентам, о том, как некогда собирались отсюда уехать да что-то не получилось. Для себя я назвал это явление круговоротом слабости провинциальных характеров. По сути, каждый из них мог бросить всё и уехать, и понятно, что далеко не каждый бы стал на чужбине счастлив, но попытка имела под собой определённый смысл. Только не принято у нас так, прежде чем решиться на какой-нибудь более-менее кардинальный поступок в своей жизни, каждый житель сотню раз взвесит все «за» и «против», и полностью растворится в комфортной для себя нерешительности. И виной всему страх. Большинство людей просто бояться, что-либо изменить в своей жизни. Конечно, в мыслях они с этим уже смирились и решили, что надо поступить именно так, но вот когда дело доходит до фактических действий – всё. Человек находит для себя множество разноплановых причин, чтобы дать себе время ещё немного подумать, так сказать решиться наверняка. Я всегда находил это весьма смешным, люди упорно не желают признаваться себе в собственной слабости и трусости. А далее всё по размеренному сценарию. Ежедневная работа на еле дерущихся на плаву весьма немногочисленных предприятиях, заработная плата которой все недовольны, и недовольство это повторяется каждый месяц, мечта приобрести небольшой домик в садовом обществе, и если получится, во второй половине жизни подержанные Жигули. Да, я совсем забыл про дружбу. Дружить у нас в городе умеют, начинают сразу после окончания рабочей смены, и продолжают до позднего вечера, ну и конечно это всё продолжается целые выходные. Может, я слегка и утрирую, но в целом всё происходит именно так. Ещё сложнее женщинам. Придя с работы, они успевают заняться уборкой, приготовлением пищи, выполнить с ребёнком школьные задания, а потом, уложив его спать, до полуночи сидят на кухне, дожидаясь пьяного мужа. И всегда, когда девушка сообщает матери, что она собирается выходить замуж, та непременно первым делом задаёт вопрос по поводу отношения её избранника к спиртным напиткам.

Наверное, именно по этой причине моя мать, единожды в жизни получив от родного предприятия путёвку в один из санаториев солнечной Абхазии, решила там остаться. Как сообщалось в её письме, она там встретила хорошего человека и не мыслит без него своей дальнейшей жизни. Это мне уже после бабушка рассказала, тогда я ещё был очень мал, чтобы это понять и мне была поведана увлекательнейшая история о том, как моя мать поехала с группой учёных изучать далёкий север. Постепенно, по мере моего взросления, истории менялись, блекли в них и краски, и всё это продолжалось до тех пор, пока бабушка не сочла, что я уже

достаточно взрослый чтобы слышать правду. Святая женщина, она была мне и за мать, и за отца, которого я никогда не знал. Я был виноват перед ней и прекрасно это понимал. Она воспитала меня, отдав то лучшее, что было у самой, вложила в меня свою светлую душу. С тех пор как я покинул пределы родного города, я появлялся в нём не чаще раза в год и подолгу не задерживался, отделиваясь телефонными звонками, которые также не имели частый характер. Несколько лет назад её жизненный цикл прервался. И только после этого, кидая в её могилу горсть сырой земли, я в полной мере осознал свою неисправимую ошибку. Дороже этой заботливой женщины у меня не было никого в жизни и уже вряд ли будет, и для неё я был единственной отдушиной в её непростой судьбе. Она постоянно ждала меня, а я всё не ехал и не ехал. Как же поздно человек начинает понимать всю истинную сущность вещей, и зачастую тогда, когда уже ничего нельзя изменить.

Мой подростковый ум выдал единственное верное решение на то время. Я решил, что для того чтобы отсюда уехать и чего-то добиться в жизни надо учиться. И делать это ни как большинство учеников моей школы и города в целом, перебиваясь с тройки на двойку, а учиться хорошо и прилежно, получая лишь положительные оценки. На следующий же день я в полной мере приступил к задуманному. Сидя допоздна за учебниками, я уже тогда знал для чего мне всё это нужно. Моим лучшим другом стала книга. Хотя за это мне пришлось заплатить свою цену. На меня было повешено клеймо «заучка», со всеми вытекающими. Приятного мало, но я терпел и хитро улыбался, понимая, что пройдёт время, а они так и останутся серой безликой массой пытающейся всего добиться при помощи надрывного крика и грубой физической силы, которая также угаснет с течением времени. В общем, тумак и постоянные оскорбления были для меня делом привычным. Даже в старших классах, когда мои сверстники пили пиво и пробовали более крепкие алкогольные напитки, после чего зажимались с подругами по углам, я предпочитал проводить время за книгой. Странное детство ничего не скажешь, но результат превзошёл все ожидания. После девятого класса большинство моих одноклассников связали свою судьбу с ПТУ, которое в дальнейшем и определило их судьбу, навеки связывая невидимыми нитями с родным городом. Я же продолжил обучение в школе и блестяще сдал выпускные экзамены в одиннадцатом. Дальше я сделал то, что не делал ещё ни один выпускник моего города за всю его долгую историю. Я поступил в МГУ. Наверное, это был самый радостный день в моей жизни. Как сейчас помню это триумфальное ощущение. Я покидал свой недружелюбный город, я оставлял в нём всё былое и открывал страничку новой жизни, совершенно незнакомой, но такой манящей. Я не просто уезжал, я уезжал победителем, представить только – Москва. Одно это слово завораживало и не давало сердцу спокойно биться в груди. Все мои старания не прошли даром, я закрыл все амбициозные цели, сам без чьей либо помощи. Тогда я ещё не понимал, что часть моего триумфа принадлежала любимой бабушке, которая всё это время постоянно находилась рядом, поддерживая меня и во всём помогая.

Столичная жизнь закрутила своим разнообразием и новизной, я как будто попал в другой мир, до этого мне неведомый. Я засыпал в небольшой комнате общежития, желая скорейшего наступления утра, нового дня, который принесёт свежие эмоции и впечатления. Первое время я никак не мог расстаться со своим студенческим билетом, постоянно любясь им. Мне повезло и с первых дней посещения именитого заведения, случай столкнул меня с моим сокурсником, столкнул в буквальном смысле. Недовольно почесав лоб, он всё же представился и первым протянул руку. Парня звали Валера Погодин, и он также как и я решил связать свою судьбу с факультетом финансов. Мы были с ним сверстники и даже в чём-то немного похожи внешне, только в отличие от меня он был коренным москвичом, и надо признаться это было заметно. Случайно, как это всегда и бывает, мы оказались друг другу весьма интересны, и моя жизнь стала ещё радужнее, чем раньше, я обрёл настоящего друга. Мы много времени проводили вместе, Валерка показывал достопримечательности своего древнего города, с гордостью рассказывая его славную историю. Однако главным для нас была учёба, и про это мы никогда не

забывали, относясь к ней со всем должным вниманием и усердием. В отличие от многих наших сокурсников мы стремились получить не только дипломы, знания были для нас не пустым звуком. Именно на них я и рассчитывал в дальнейшем, поскольку возвращаться после окончания учёбы в родной город в мои планы не входило. Я был влюблён в Москву и очень надеялся, что эта любовь окажется взаимной.

Студенческая жизнь приносила горы позитива, всё более удаляя меня от жизни прошлой. Шли годы, я рос и менялся, становясь высококлассным специалистом в выбранной сфере. И это опять же принесло свои плоды. Настал тот долгожданный день, когда нам с Валерой выдали заветные дипломы, свидетельствующие об успешном окончании, пожалуй, лучшего ВУЗа страны. Вернутся на малую родину? Об этом даже не было и речи. Родной дядя моего лучшего друга, являлся директором крупного финансового холдинга, и по просьбе и личной рекомендации Валеры я был принят на работу. Ещё одна маленькая победа, я был просто безумно счастлив, и с головой окунулся в приятные трудовые будни. Мои старание и усердие были замечены, я приходил в офис одним из первых и покидал его в числе последних. Я неспешно шагал по карьерной лестнице, маленькими, но уверенными шагами. Моё имя никогда не стояло в числе тех, для кого выбиться наверх было главным жизненным кредо, я просто хорошо делал свою работу, не более. В коллективе ко мне относились с должным почтением, и если возникала сложная рабочая ситуация они знали к кому обратиться. Я же в свою очередь никому не отказывал, прекрасно понимая, что человек просто не может всё знать и уметь, хотя именно я к этому стремился. Прошли долгие шесть лет, которые пролетели как один день, и я получил должность, о которой тайно мечтало большинство моих коллег. Начальник аналитического отдела финансового прогнозирования. Как звучит! Я смаковал каждое слово, тихо произнося их в своём новом шикарном кабинете. Это была победа побед, в этом я был полностью уверен, все мои старания не прошли бесследно. Здорово. Вместе с новой должностью в мою жизнь вошли и материальные атрибуты успеха. Такие как личный секретарь, надо заметить очень милая девушка с яркой неординарной внешностью, которая сыграла определённую роль в моей дальнейшей судьбе. Я переехал из съёмной однушки в шикарную служебную квартиру. А у подъезда элитного дома каждое утро меня встречал автомобиль с личным водителем, и конечно моя заработная плата, которая и без того была весьма приличной даже по московским меркам, выросла в разы. И это если учесть мои неполные тридцать лет. Жизнь удалась!

Изменилась и личная жизнь, ранее заполненная только работой. Проблемы мужского начала я решал вызовом проституток раз в неделю, по пятницам. Это было очень удобно, и поскольку с женщинами я чувствовал себя немного скованно, для меня это был идеальный вариант. Всё изменилось с приходом в мою жизнь секретаря Снежаны. Несмотря на столь холодное имя, девушка оказалась очень горячей, и уже через неделю нашей совместной деятельности я оказался у неё в постели. Она-то и стала моим путеводителем по злочной жизни столицы, то есть жизни настоящей. Мне опять пришлось открывать для себя новые грани. В мою жизнь прочно вошли такие понятия как рестораны, клубы, вечеринки. И конечно секс, с появлением Снежаны я понял, что раньше не знал о нём практически ничего. Мир вокруг меня изменился, он стал более насыщенным и ярким, приобретая всё новые манящие очертания. Главным временем суток для меня стала ночь. Днём я просто выполнял свою рутинную работу, волнительно ожидая очередной вечер. С наступлением ночи мой личный мир преображался, я расправлял незримые крылья и улетал в собственное измерение безлимитного счастья. И иначе я уже не мог.

Всё изменилось. Мировой финансовый кризис не минул стороной и мою персону. И если поначалу мы ещё хоть как-то выкручивались, то лето 2009 года расставило всё по своим местам. Мы несли ежедневные убытки, и руководство сочло просто непозволительным в настоящий момент содержать такой штат. Мой отдел, как и многие другие, был упразднён, а я соответственно пополнил ряды армии безработных. Вместе с этим растворились и все атрибуты

успешной жизни, Снежана тоже её покинула. Поиски новой работы не принесли ожидаемого результата, весь август я оббивал пороги работодателей, но везде слышал очень корректный отказ, со ссылкой на тяжёлое финансовое положение. Я всё более терял себя, проводя ночи в различных борделях, заливая свою печаль водкой, находя спасение в лживых речах продажных женщин.

15 сентября

В очередной раз пытаюсь залить свои проблемы спиртным, и не получив должного эффекта я направлялся по знакомому адресу. Я ехал за рулём своего нового немецкого автомобиля, который в недавнем прошлом был предметом моей гордости. Тот факт, что я был в изрядном подпитии, меня ничуть не смущал, в последнее время езда под градусом стала для меня нормой. Мой путь лежал к одной весьма развратной особе, которая после короткого звонка с наигранной радостью согласилась меня принять. Радиостанция вещала очередной заезженный хит, и, не показывая поворот, я, нагло превышая скоростной режим, свернул в арку. То, что произошло в следующую минуту, до сих пор никак не укладывается в моём сознании. Я на секунду отвлекся, искоса взглянув на «оживший» мобильный который лежал на пассажирском кресле, рука потянулась к аппарату, а взгляд вернулся к дороге. В нескольких метрах перед собой я рассмотрел два силуэта, моя нога автоматически до упора нажала педаль тормоза. Было поздно, далее последовал глухой удар, и автомобиль замер. Я, словно в тумане, тяжело дыша и ещё до конца не осознавая смысл произошедшего, медленно вышел из автомобиля и замер посреди пустынного двора. Сделав несколько шагов, я с ужасом вытаращил глаза, мозг постепенно обретал былую ясность. В нескольких метрах от автомобиля лежала женщина, а рядом мальчишка лет семи-восьми. То, что я наделал, было ужасно, меня сковал страх. Моё тело дрожало, а мысли путались. Спонтанная здравая мысль, заглушая все остальные, выбилась в лидеры, и повторилась в моей голове многократным эхом. Всё верно, нужно срочно вызвать скорую помощь. Я сделал уверенный шаг к автомобилю, и передо мной возникла целостная картина ближайшего будущего, она всплывала по кусочкам, словно недочитанный сценарий, с множеством редакторских вопросов. Вот на место происшествия приезжают медики, далее они естественно сообщают о трагедии в милицию. А что если эти люди уже мертвы? В висках забарабанил новый логический вывод – тюрьма. И от полного осознания дальнейшего развития событий страх не просто усилился в разы, меня охватил дикий ужас. Я поднял голову и бегло осмотрел окна близстоящих домов, лишь в нескольких из них горел свет. Моментально запрыгнув в машину и захлопнув водительскую дверь, я включил заднюю передачу. Сбежать с места преступления показалось мне единственно верным решением. Путь до дома напрочь вылетел из головы, к действительности мне помогла вернуться тёплая, почти горячая вода. Прошло немало времени, прежде чем я решился отодвинуть полиэтиленовую шторку, и перекрыть воду. Внутреннее беспокойство не отпускало, ещё бы, я, сморщившись, засунул в рот правый кулак, и крепко сжал зубы. Тело само сползло по стене на пол и, подняв голову вверх, я истошно закричал, совершенно забыв о степенных соседях. Единственное седативное средство, имеющееся в доме, было спешно извлечено из бара. Глоток обжигающего коньяка вскоре успокоил дрожь в коленях, второй победил нервное напряжение, третий... Я сидел, крепко сжав в правой руке пустой бокал, и тупо смотрел на экран плазменного телевизора. Там ничего не показывали, наверное в силу того что он был выключен, но для меня он работал. В нём я вновь и вновь видел лежащих на асфальте, в ярком свете ксеноновых фар, женщину и мальчика. Экран многократно отматывал печальный сюжет, ежесекундно повторяя всё с начала. Я наблюдал за повторяющимся видеорядом визуальных воспоминаний взглядом стороннего наблюдателя. Перед моим взором возник человек, который долго смотрел на неподвижные тела, а потом, схватившись за голову двумя руками сел в свой автомобиль и покинул место происшествия. Он уехал, просто испугался и уехал, возможно, оставив людей умирать. Бокал вновь наполнился, мысли начали путаться, тело обрело привычную тяжесть. Сон. Я хотел спрятаться, укрыться от себя и своих угнетающих мыслей, и лучшим местом для этого был мир грёз. Там не было проблем и поводов для беспокойства, там не было дня и ночи, там было хорошо. Сон всегда служил некой своеобразной ширмой для тех, кто хочет укрыться от

реальной действительности, хоть на время забыться и уйти в величайшее таинство степенной отрешённости.

Слегка пошатываясь, моё тело вошло в спальню и, не снимая халат, плюхнулось на широкую кровать.

16 сентября

Ровно насколько приятно погружаться в страну сновидений, настолько же противно открывая глаза понимать, что действительность вновь рядом и ночь не решила твоих дневных проблем.

Я лежал, безмолвно глядя в потолок. Память красочно вырисовывала события прошедших суток. Мои руки легли на лицо, словно желая спрятаться от нового дня. Посетив кухню и приготовив кофе, я вновь оказался в постели. Сейчас это казалось самым уютным в мире местом, способным хоть как-то защитить от нависших невзгод. Однако себя не обманешь. Правду говорят, только критическая неординарная ситуация может показать человеку, кем он является на самом деле. И на этот вопрос, адресованный к самому себе ответ был очевиден: алкоголик, трус, слабак. Победить собственное ничтожество я так и не смог, внезапно возникшую мысль о покаянном звонке в милицию я отшвырнул от себя со страшной силой. Мало кто готов отвечать за свои поступки, и я как раз был в их числе. Страх переполнял меня изнутри. Он бродил во мне, словно домашнее вино, стоявшее в углу чулана в огромном стеклянном бутылки. Но это был не страх о содеянном, это была всего лишь элементарная боязнь понести ответственность, мучительные вопросы совсем иного характера.

– Видел ли кто-нибудь, как мною был совершён наезд?

– Живы ли пострадавшие?

– Что они делали посреди ночи на улице?

Что-то вроде этого, хотя вопросы явно должны были идти в иной последовательности. Даже совершив нечто ужасное, человек упрямо пытается найти себе оправдание, мрак. Все мои бывшие взгляды на собственную персону растаяли как прошлогодний снег. Все эти годы я просто играл роль, которую сам же себе и прописал. Жил под маской, не зная своего истинного обличия. И вот теперь, когда маска окончательно сорвана, и передо мной предстал настоящий я, мне стало противно. Но преступить через себя, изменить что-то внутри могут лишь единицы и я, к сожалению, не был одним из этих сильных людей.

Провалившись до вечера в постели, мысленно разговаривая с самим собой, я неожиданно понял, как получить ответ, по крайней мере, на один из моих вопросов. Наспех умывшись, я оделся и вышел на улицу. Шагая по вечернему городу, я ощущал на себе взгляды случайных прохожих. Мне казалось, что все они знают, что я натворил, и осудительно смотрят в след. Скрутив купленные газеты в трубочку, я быстро засеменил в обратном направлении. Меня не покидало ощущение тревоги, всё нарастающее, оно слегка стихло лишь тогда, когда я вошёл в подъезд своего дома. Вкрадчиво пролистав несколько печатных изданий и не найдя интересующей информации я небрежно отложил их в сторону и приступил к следующей газете. Есть. Сердце забилося учащённо, взгляд вновь и вновь перечитывал статью в ежедневной рубрике «Происшествия дня». Встревоженный мозг фокусировал лишь отдельные фразы, из всего описательного старания автора.

«Ночью был совершён наезд на возвращавшуюся из гостей женщину с ребёнком».

«Женщина находится в больнице в тяжёлом состоянии».

«Мальчик мёртв».

«Водитель скрылся с места преступления».

«Возбуждено уголовное дело».

Нервно отбросив газету в сторону, я обречённо прикрыл глаза и опёрся лбом о стену. Несколько минут забытья и вот я уже стою возле окна. На город опускались сумерки, прерывая власть света и передавая бразды правления пугающей тьме. Вечный круговорот жизни. Все

мои недавние упрёки и психологический подбор детального определения своей персоны были ничто, хотя они по-прежнему оставались на своих местах. Констатирующая непреложный факт мысль разрывала меня на части, заставляя громко рыдать и биться в краткосрочной истерике.

– Я убийца.

Я забрал жизнь у ребёнка, жизнь, которая только начиналась. Мною была нарушена главная библейская заповедь – Не убей. И так, не будучи человеком безгрешным я обрёл свою душу на вечные мучения. И не будет теперь мне прощения ни на этом свете, ни на том.

Взгляд скользнул по лежащему на столе кухонному ножу, и тут же моё лицо отобразило печальную улыбку полную презрения к самому себе. Я был слишком слаб, чтобы решиться на такой шаг. Достав из серванта бутылку коньяка, я долга держал её в руке, затем поставил на место и медленно направился в спальню.

17 сентября

Как ни прискорбно было это признавать, но я всецело боялся понести заслуженное наказание. Мне каждую минуту казалось, что сейчас раздастся дверной звонок, и я услышу затасканную до дыр фразу – «Откройте, милиция»!

Решение было принято, решение которое далось с большим трудом, и прибегнуть к которому ранее мне показалось бы полным абсурдом. Но, в свете последних событий оно являлось для меня оптимальным вариантом. Побег. Точно также как я сбежал со двора, в котором совершил убийство, совершенно забыв о том, что я в первую очередь человек и поступать должен, отталкиваясь от этого, я решил сбежать из Москвы. Исчезнуть, скрыться. Решение было окончательным, и я принялся наспех собирать только самые необходимые вещи. Автомобиль, даже подходить к которому у меня больше не было ни малейшего желания, был спешно продан за две трети от его рыночной стоимости. Это факт меня ничуть не огорчал. Во-первых, деньги у меня были, я не один год откладывал средства, мечтая построить загородный дом, и за это время образовалась весьма солидная сумма. Во-вторых, я избежал бумажной волокиты, всё решилось за считанные минуты.

Я прощался с Москвой стоя на Казанском вокзале в ожидание своего поезда. Теперь я лично убедился в том, о чём знали все. Этот город ничего не даёт просто так, за всё придётся платить, кому-то раньше кому-то позже, так или иначе ненасытный мегаполис выставит свой счёт. Он принимает всех с наигранной радостью и дружелюбной улыбкой, но вскоре ты начинаешь понимать, что это была не улыбка, а злорадная ухмылка. Что ж, наша с ним идиллия продолжалось и так слишком долго, так долго, что я уверовал в то, что стали одним целым и просто необходимы друг другу. Глупец. Непростительная ошибка.

– Чего грустишь, такой молодой, красивый? – неожиданно из-за моей спины вышла пожилая цыганка, пуская кверху кольца табачного дыма. – Хочешь, погадаю? Ей Богу правду скажу. – Её сморщенное лицо приняло весьма задумчивый вид.

Я скептически улыбнулся и молча протянул руку.

Цыганка долго всматривалась в мою сухую ладонь, водя по ней грязным указательным пальцем, затем отпустила её и, сделав шаг назад, пристально посмотрела мне в глаза.

– Ай, сынок, тяжкую вину за плечами несёшь, сам себя уважать перестал, в душе твоей беспорядок. Большую беду сотворил, по глупости своей горе в чей-то дом принёс.

Я всегда считал цыганские манипуляции с предсказанием судьбы лишь способом заработать на наивных простачках, и вот теперь неожиданная правда пробежала нервной дрожью по всему моему телу. Я с опаской взглянул на женщину и, дотронувшись левой рукой до виска, в котором ощутил неприятное покалывание, отрешённо спросил:

– И что делать?

– Тут я тебе не советчик, все ответы лежат внутри тебя самого, – пожилая цыганка печально качнула головой. – Каждый шаг, который человек делает, он делает непросто так. Во многом тебе ещё предстоит разобраться. Самому.

Женщина с необычайной лёгкостью, несопоставимой с её возрастом, повернулась, и быстро зашагала в сторону вокзального помещения. Она ушла, не потребовав за свои услуги ни рубля, оставив меня наедине со своими смутными сомнениями. В какое-то мгновение мне показалось, что сейчас она вернётся в сопровождении сотрудников милиции. Этого не произошло.

Начинало темнеть и, пройдя в свой вагон, я невольно обернулся, мысленно прощаясь со столицей. В купе уже сидели двое мужчин среднего возраста и в полголоса что-то обсуждали. Я поздоровался и, поместив сумку в нишу, забрался на верхнюю левую койку. Через минуту в купе вошла молодая девушка, ослепляя попутчиков солнечной улыбкой.

– Нелли, – представилась она и попросила толстого мужчину справа помочь ей с багажом. Затем вышла.

Поезд тронулся, с каждой секундой он всё более набирал скорость, удаляя меня от города мечты, в котором я добился очень многого и всё это потерял в один день. А ещё, в нём я оставил себя, себя былого, оставил в том тёмном дворе рядом с двумя неподвижными телами. В моей душе уже не было страха, только пустота и грусть, а ещё какая-то безысходность, объяснить которую я не мог, словно моё участие в этом мире больше не требовалось, и мне отводилась роль стороннего наблюдателя.

Мысли. Бесконечные мысли. Почему человек устроен так, что ему постоянно нужно о чём-то думать. Странно. Как бы хотелось сейчас выкинуть из головы все проблемы и переживания, а лучше забыть, навсегда вырвать некоторые страницы собственной жизни.

Я повернул голову налево. Девушка уже лежала на своей полке, и листала небольшого размера книгу. Заметив мой взгляд, она отложила бульварную литературу в сторону и жестом пригласила меня на перекур. Мы вышли в шумный прокуренный тамбур.

– Угощайтесь, – она протянула открытую пачку с тонкими сигаретами.

Немного подумав, я неловко вытянул одну и поднёс к губам. Нелли чиркнула зажигалкой, и яркий язычок пламени ожил перед моим лицом. Девушка сначала слегка удивилась, а потом откровенно засмеялась, наблюдая, как моё лицо налилось багрянцем, и я начал отрывисто кашлять, положив левую ладонь на грудь.

– Ты что, – она незаметно для себя перешагнула на «ты», – не курил никогда?

Я отрицательно покачал головой и, затушив сигарету, кинул её в импровизированную пепельницу, в виде жестяной банки из-под кофе.

– Ну, ты даёшь, – Нелли пустила вверх кольцо табачного дыма. – Зачем же тогда курил?

– Да так, попробовать решил.

– Не поздно ли в твоём возрасте начинать?

– В самый раз.

– Звать-то тебя как? – с улыбкой спросила девушка. Было видно, что внутри неё находится огромный вулкан позитивной энергетики. Её лицо выражало лукавый задор.

– Игнат, – ответил я.

– Интересное имя. А я Нелли.

– Я знаю.

– Ах да, – девушка махнула рукой, – Я же уже представилась. А ты куда едешь?

– Домой, – машинально ответив, я невольно причмокнул и грустно повторил: – Домой.

– А грустный такой чего? Давно дома не был?

– Очень давно.

– Так радоваться должен, – Нелли заглянула в мои пустые глаза, и слегка покачала головой. – Чудной ты какой-то.

– Не без этого.

– Дом твой, где находится? – Нелли всё с той же задорной улыбкой продолжала расспрос.

– Мележ, – я озвучил название родного города, сильно сомневаясь, что моя попутчица слышала о нём.

– Ничего себе, – девушка легонько хлопнула меня по плечу. – Получается что мы с тобой земляки. Я тоже с Мележа!

– Вот как, – я откровенно удивился случайному совпадению. – А в Москве что делала?

– Так к тётке я ездила, – девушка говорила легко и непринужденно, словно мы с ней были давними приятелями. – Нет у неё больше никого, одна я осталась. Вот и приходится периодически её навещать, чтобы сильно не скучала.

– А чего к ней переехать не хочешь, или не приглашает?

– Давно завет, – Нелли невольно махнула рукой, и окурок отлетел в угол. – Ой, – она смущённо поднесла ладонь к губам, и, весело хихикнув, поспешила поднять тлеющую сигарету. Затушив её в пепельнице, она подошла ко мне почти вплотную и серьёзно произнесла. – Не люблю я Москву.

– Это что-то новенькое, – отметил я. – Обычно всё происходит наоборот. Большинство людей питает к этому городу глубокие чувства, даже ни разу там не побывав.

– Знаю, – Нелли хитро прищурилась. – А сам-то чего? Жизнь в столице не сложилась?

– Ну, что-то вроде того, – я невольно опустил взгляд, и Нелли это заметила.

– Вот видишь. Злая она – Москва-то.

– Ладно, – я решил не развивать болезную для себя тему и повернулся к двери. – Пойдём, что-то меня в сон клонит, завтра поболтаем.

Пройдя в купе, Нелли взяла косметичку и направилась в туалет. Я залез на свою полку, улегся на живот и отрешённо уставился в окно. В темноте позднего вечера за окном проносились разнообразные пейзажи, рассмотреть которые не представлялось возможным, но чередующая картинка проносящихся перед глазами российских просторов и широт по-детски завораживала. Пожалуй, это можно сравнить только с притягательной силой камина. Мне действительно хотелось спать, я лёг на спину, сложил руки за головой и устало прикрыл глаза. Монотонный стук колёс и лёгкое покачивание вагона убаюкивало не хуже колыбельной.

18 сентября

Я неспешно шагал по ночному городу. Если бы кто-нибудь задал вопрос, зачем я здесь и куда направляюсь, я бы вряд ли смог ответить. Ноги вели сами, в душе царила безмятежность. Оглядевшись по сторонам, я отметил небывалую для столицы тишину, ни одного прохожего, полное отсутствие автомобилей, словно в эту минуту я гулял абсолютно один по пустынным московским улицам. Я не нашёл это странным, а принял как должное, продолжая наслаждаться пешей прогулкой, вдыхая слегка влажный воздух наступающей осени. Неожиданно откуда-то спереди донёсся бешеный визг тормозов, и я отчётливо услышал глухой удар. Гармония пешей прогулки была разрушена в один миг. Угнетающее чувство невнятного беспокойства полностью охватило меня, но, вместе с тем, я упрямо продолжал двигаться вперёд. Я пытался остановиться, не знаю почему, но мне безумно хотелось развернуться и со всех ног бежать в обратном направлении. Через несколько секунд я замер. Из арки выбежал мальчик лет семи, его одежда была изорвана, а лицо измазано кровью. Не замечая меня, он промчался через дорогу и, подбежав к таксофону, схватил трубку. Я, онемев, стоял и смотрел на него не в силах пошевелиться и отвести взгляд. Мальчик настойчиво пытался набрать какие-то цифры, но каждая очередная попытка была обречена на провал, словно какая-то неведомая преграда не позволяла его окровавленным пальцам коснуться спасительных кнопок. Он стоял на носочках в упрямых ожиданиях результативной попытки. Через некоторое время его рука с зажатой телефонной трубкой безвольно повисла вдоль тела, он обречённо опустил голову и повернулся. Мальчишка поднял окровавленное лицо, и наши взгляды встретились. В его глазах вспыхнул отчётливый огонёк надежды. Он смотрел на меня умоляющим взглядом и с надеждой протягивал телефонную трубку. Я стоял, не в силах пошевелиться. Попытавшись сбросить с себя жуткое оцепенение, мой взгляд неожиданно коснулся собственных рук. Меня охватил небывалый ужас, мои ладони были в крови. Она словно появлялась ниоткуда и, стекая, большими каплями падала на тротуарную плитку. Я опустил испуганный взгляд под ноги и невольно дёрнулся, подо мной расплывалась огромная лужа крови. Моим единственным желанием было вырваться из нее, и спешно умчатся прочь, но страх полностью парализовал меня.

Открыв глаза, я приподнял голову и судорожно осмотрелся по сторонам. Сделав глубокий вдох, я вновь опустил голову на подушку, отчётливо осознав, что это был всего лишь сон. Он вновь пробежал перед моими глазами, доходчиво убеждая, что это был необычный сон.

Всё верно. Я ещё в большей степени подонок, коим считал себя ещё вчера, я подонок в квадрате. Память вновь детально восстановила события трёхдневной давности. Я, находясь за рулём автомобиля в состоянии сильного алкогольного опьянения, сбил женщину с ребёнком. Да, я, безусловно, виноват, я совершил непростительный поступок, но это уже было свершившийся факт, и отмотать время вспять уже не получится. Испугался, сбежал. Да, чёрт возьми, испугался, сбежал, да на моём месте так поступил бы практически каждый. Но позвонить-то я мог. Возможно, мальчик ещё был жив, и если бы врачи приехали вовремя, его удалось бы спасти. Какая же я всё-таки мразь. Закрыв глаза, передо мной отчётливо всплыл образ окровавленного ребёнка протягивающего мне телефонную трубку.

Мужчины молча завтракали нарезанными домашними заготовками. Нелли в купе не было. Я пожелал им доброго утра и, взяв туалетные принадлежности, вышел. Умывшись и почистив зубы, я вышел в тамбур.

– Привет, земляк, – девушка улыбнулась, и поднесла к губам зажжённую сигарету. – Неважно выглядишь.

– Да что-то плохо спалось, – я заметил в её левой руке пачку с сигаретами и ткнул в неё пальцем. – Дай закурить.

– Ничего себе, – Нелли удивлённо вытаращила глаза. – Вчерашнего опыта тебе недостаточно?

По моему лицу она поняла, что я не хочу это обсуждать, и молча протянула пачку и зажигалку.

Попытка номер два. На этот раз я старался затягиваться не глубоко, и слегка кашлянув в начале, одолел треть сигареты. После я ощутил лёгкое головокружение и поспешил избавиться от окурка.

– Что, приятного мало? – Нелли смотрела на меня, слегка прищурив левый глаз.

– Да уж, – с этим доводом я просто не мог не согласиться. – Как-то совсем плохенько.

– Такое бывает со всеми новичками. Ты лучше присядь, скоро всё пройдёт.

Последовав её совету, я присел в углу и опустил голову. Через несколько минут, когда неприятные симптомы стали проходить, я поднялся и взглянул на девушку, она всё ещё стояла рядом.

– Пошли завтракать.

Моё предложение было принято на «ура» и мы, пройдя в вагон-ресторан, уселись за свободный столик. Есть не хотелось, мало того что в последние дни аппетит и так отсутствовал, так ещё и последствия перекура оставили в организме неприятный осадок. Я заказал солянку, Нелли салат и чай с куском творожного пирога. Даже с набитым ртом она ни на секунду не умолкала. Различные истории мелодраматичной направленности одна за другой слетали с её губ, но все они безмолвно терялись в глубинах моей оглушающей драмы. Наблюдая за девушкой в свете дня, я отметил, что она весьма симпатична, примерно моего возраста, однако обручального кольца на безымянном пальце её правой руки пальце я не заметил, да и в её многочисленных рассказах не проскакивала тема замужества. По окончании трапезы я отверг её попытки оплатить счёт и, объяснив, что угощаю, расплатился с официантом.

Я вновь лежал на верхней полке и смотрел в потолок. Тюрьма. Именно и за неё я и сбежал с места трагедии. Я испугался попасть в исправительное учреждение, хотя моё место сейчас было именно там. Исправительное учреждение, смешно. Что оно может исправить? Неужели покинув его, человек действительно может сказать – да я осознал степень своей вины и полностью исправился. Получается как в детстве: ты виноват, ты должен исправиться. И ты соглашаешься, говоря, что больше не будешь так делать. Бред. По сути, исправить ситуацию значит повернуть её вспять, вопреки всем земным законам, но это не возможно в принципе. Так о каком тогда исправлении может идти речь? Понести заслуженную ответственность, как сформулировано в уголовном кодексе? Тоже не то. Ответственность перед собой – вот самый тяжкий груз, хотя для многих это пустой звук. А тюрьма – она ничего не может исправить. Должно быть, какое-то альтернативное определение вины, должно быть и наказание, но в некой другой форме, форме служения во имя тех людей, чью жизнь ты разрушил. Или...

Я почувствовал чьё-то прикосновение и повернул голову. Нелли звала меня на перекур. На этот раз я ограничился несколькими короткими затяжками. Моя попутчица без умолку щебетала. Она заведовала городской библиотекой и, как я заметил, была весьма довольна своей работой. А ещё она собиралась усыновить ребёнка из интерната, так как своих детей иметь не могла. За получасовую беседу я вкратце узнал почти все её жизненные аспекты. Меня всегда удивляло, как люди вот так просто, с абсолютно незнакомым человеком могут делиться самым сокровенным. Интересная девушка с нетипичным для провинции именем, у нас по большей степени всё Веры да Нади.

День медленно протекал, попеременно меняя декорации с постельной полки на прокуранный тамбур и обратно. Ближе к обеду мы с моей новой знакомой вновь посетили вагон-ресторан. Чтобы отвлечься от угнетающих мыслей я попросил у Нелли книгу, и получил какой-то фантастический рассказ о вечном противоборстве добра и зла, который вновь вверг меня в круговорот раздумий. Автор утверждал, что человек уже рождается с заложенной програм-

мой, и ему заранее предопределено быть добрым или злым, хорошим или плохим. С этой точкой зрения я был определённо не согласен, считая, что каждый сам выбирает каким ему быть, выбирает ежедневно, в процессе всей жизни. Я всецело разделял теорию существования у каждого человека двух начал. Что-то вроде ангела и демона, сидящих на плечах, и пытающихся перетянуть человека на свою сторону. И если быть точным человек не может быть всецело добрым или злым, в нём идёт постоянная борьба, порой незаметная для него же самого. Просто в ком-то более доминирует свет, а некто предпочитает оставаться во власти тьмы, но при определённом стечении обстоятельств эти полюса могут поменяться своими местами, в этом я был уверен. Точно также сейчас менялось моё представление об окружающем мире, и я начинал замечать, что мой образ мышления становится иным. Мой мозг лез в дебри сознания, пытаясь найти ответы на вопросы, смысл которых я ещё совсем недавно не понимал, или настойчиво пытался от них отгородиться, не знаю.

Мы с Нелли стояли в тамбуре с сумками, ожидая скорого приезда. Согласно расписанию, на станцию Мележ состав прибывал через семь минут.

Запах родного города, его ни с чем нельзя перепутать. Я не был здесь более трёх лет, но заранее знал, что тут ничего не изменилось.

– А он всё такой же, – задумчиво произнёс я, глядя на невзрачное здание станции.

– А чему тут меняться? – Нелли пожалала плечами. – Ты на автобус?

Ещё раз взглянув по сторонам, я отрицательно качнул головой: – Прогуляюсь, пожалуй.

– Ну, тогда давай прощаться, – Нелли протянула руку. – Была рада знакомству. Где меня найти знаешь.

– Городская центральная библиотека, – отрывисто произнёс я и слегка сжал хрупкую ладонь.

– Точно, – девушка весело подмигнула и направилась к остановке.

Я провожал её взглядом, и моё лицо озарила лёгкая улыбка, впервые за последние несколько дней. Я был действительно рад знакомству с этой позитивной задорной девчонкой. Было в ней нечто такое доброе, жизнеутверждающее.

Шагая по улицам, где бегал ещё мальчишкой я рассматривал архитектурное строение Мележа. Громоздкие пятиэтажки причудливо переплетались со старыми деревянными домами, сквозь плотный ряд которых прослеживались вполне шикарные коттеджи. Проходя по Ленинградской, я обратил внимание на нетипичный двор. С трёх сторон его окружали кирпичные пятиэтажные дома на подобии вытянутой буквы П, а посередине стояла покосившийся бревенчатая избушка со всеми соответствующими атрибутами, такими как несколько сараев, собачья и туалетная будки, бродящие по огороженному двору куры. Такое могло быть только в глубинке, и Мележ как раз и был этой самой глубинкой, где ничему не стоило удивляться. Жизнь здесь текла по своим особым, понятным только урождённым мележанам канонам.

Количеством выпивших людей на квадратный метр Мележ мог бы посоревноваться и с более крупными городами, но сегодня их было как-то слишком много. Каждый второй прохожий, встречающийся на моём пути, имел весьма неоднозначный вид и походку. Но вскоре суть происходящего стала ясна, я вспомнил, что сегодня пятница. А в пятницу вечером, как говорить сам Бог велел.

Вспомнив о создателе, по моему телу пробежал лёгкий холодок, я остановился и поднял голову к небу. А ведь он где-то там, наверное, смотрит на меня осуждающе, удивляясь всей подлости человеческого существа. Я продолжил движение, вновь погрузившись в круговорот собственных размышлений, которые всё более завладевали мной. Бог должно быть сейчас сожалеет, что создал нас. Ведь получается, что его великий замысел потерпел фиаско, и русло изначального добра практически полностью пересохло, а люди так и не стали носителями бессмертных заповедей. Хотя, наверное, он это осознал уже давно, ещё на начальном этапе своего грандиозного замысла, разочаровавшись в своём первом творении – Адаме. Тогда

почему он продолжил человеческий род, ведь он не мог не понимать, куда всё это приведёт. Ведь уже тогда, за много лет до нашей эры существовали и братоубийства и воровство и предательства. Получается, люди изначально научились плохому, отвергая учение своего создателя, полностью игнорируя его наставления? А может это князь тьмы внёс свои коррективы в светлый замысел небес, вселяя в человеческие души семена зла? Тогда получается что он сильнее?

Проведя по лицу ладонью, я смахнул с себя непосильную тяжесть собственных дум и осмотрелся по сторонам. Советская. Улица моего детства. В вечерней дымке она выглядела как-то по-особому, с неприсущей лишь ей ноткой спокойной красоты. А может я просто давно здесь не был и мне всё это померещилось. Деревянные дома стояли друг напротив друга по обе стороны разъезженной дороги вот уже многие десятилетия, наблюдая за жизнью своих обитателей. Я стоял напротив дома, в котором вырос и не решался войти, а он безмолвно смотрел на меня, словно оценивая, большой, деревянный, выкрашенный в жёлто-зелёный цвет, с кирпичной пристройкой. Возле забора рос огромный куст черноплодной рябины, какой же вкусный компот варила из этих ягод бабушка. Нашупав в кармане приготовленную ещё в поезде связку ключей, я подошёл к деревянной калитке и, подобрав нужный, вставил его в скважину навесного замка и легонько повернул.

– А ну-ка, чего это тебе там надобно?

Я обернулся. От соседнего палисада на меня с грозным видом шагал седовласый пожилой мужчина. Подойдя ближе, он прищурился и долго осматривал меня.

– Игнат, ты что ли? Сомов?

– Здравствуй, Прохор Митрич, – я положил замок на срез столба и сделал шаг к мужчине.

– Ну, здравствуй, здравствуй, – он подошёл ко мне и двумя руками крепко сжал мою ладонь. – Ты к нам погостить, аль насовсем?

– Насовсем, Прохор Митрич.

– А, ну давай тогда присядем, – мужчина подошёл к забору и уселся на старую лавку, которую, наверное, сам же когда то и делал. – Садись, Игнатка. – Он положил мне на плечо мозолистую ладонь и с лёгкой улыбкой заглянул в лицо.

Прохор Кудинов был старожилом этих мест. Одним из первых он поставил дом на этой улице, и до сих пор проживал в нём со своей супругой. Большую часть своей жизни он трудился на старой лесопилке, которой уже давно не существовало, а сейчас находился на заслуженном отдыхе. Сколько я себя помню, он всегда был рядом, помогая бабушке. Наши дома стояли бок обок.

– Рассказывай, как она жизнь-то в большом городе?

– Да здесь, поди, лучше, – я невольно перешёл на местный диалект, от которого как думал, избавился навсегда.

– Оно-то, конечно так, – хитро шурясь, произнёс пенсионер. – А чего тогда уезжал?

– Прохор Митрич, – я глубоко вздохнул и уставился под ноги.

– Ну да ладно, – сосед по-отцовски потрепал мои волосы, явно догадываясь, что в моей жизни произошло что-то не совсем хорошее, раз я променял яркие огни столицы на тускло мерцающие фонари Мележа. – Зато теперь-то мы заживём, я вон баньку новую поставил. Попадется-то, придёшь?

Я поднял взгляд на этого доброго искреннего старика и несколько раз уверенно кивнул головой.

– Конечно, приду, Прохор Митрич. А помнишь, как ты меня крапивой по заднице стебанул, когда я у тебя в саду вишни воровал?

– Может и стебанул, – неуверенно разведя руками, ответил Кудинов. – Вас тогда столько лазило, всех и не упомнишь. Вишен-то, таких как у меня ещё поискать надо было.

– А что сейчас?

– Так вымерзли заразы, – Прохор в сердцах сплюнул. – Двадцать лет стояли, а в позапрошлом году вымерзли. – Вроде и морозов-то сильных не было, чего им надо, едрить их.

– Старые уже, наверное.

– Пожалуй, так, – согласился Кудинов. – Ну, ничего в этом году новые саженцы посажу, поможешь-то старику, а Игнат?

– Само собой, Прохор Митрич, мы с вами ещё целый сад посадим.

– Ну, сад нам не надо, – Кудинов не спеша потёр руки, – а полсада точно посадим.

– Ай, старый, – ещё издалика начала причитать полная пожилая женщина, направляясь к нам. – Сидит тут балаболит, а я ходи, ищи его.

– А чего меня искать? Соскучусь, сам глядишь приду, – Прохор слегка заёрзал по лавке. – Посмотри-ка лучше, кто к нам пожаловал.

– Ай, батюшки, – женщина от неожиданности хлопнула в ладони. – Игнатка приехал. А я-то думаю, с кем это мой старый чёрт трещит.

– Здравствуйте, Анфиса Степановна, – произнёс я.

– Поди, только с поезда? – поинтересовалась женщина.

– Да, ещё даже в дом не заходил.

– Ну, тогда живо за стол, – командирским тоном произнесла соседка.

Все мои неловкие попытки отказаться провалились, и я проследовал в уютный дом Кудиновых. Если признаться честно, есть мне совсем не хотелось, но обидеть своим категоричным отказом хороших людей я желал ещё меньше. Радужная хозяйка поставила передо мной большую миску борща и положила ломать свежеспечённого хлеба. После обеда мы ещё добрых полчаса сидели за столом и беседовали. Анфиса Степановна вкрадчиво попыталась разузнать, что послужило причиной моего приезда, но Прохор Митрич резко взглянул на неё, и досужая женщина тут же поменяла тему.

На улице уже начало смеркаться, когда я вошёл в свой дом. Последний раз я тут был на похоронах бабушки. На ощупь включив свет, я прошёл в просторную кухню и сев на табуретку поставил под ноги сумку. Неожиданно лампочка в полукруглом плафоне бешено заморгала, но спустя несколько секунд возобновила былую работу. Наверное, это дом таким способом пытался выказать своё оправданное недовольство моим долгим отсутствием. Закрыв на ключ дверь, я прошёл в квадратный коридор, из которого в разных направлениях расходились комнаты.

Вот она – моя комната. Всё вещи лежали там, где их оставила моя рука много лет назад, кроме плановой уборки бабушка в этой комнате ничего не делала. Я вернулся. Странно, никогда не думал, что такое возможно. Однако здесь я чувствовал себя на удивление спокойно и комфортно, наверное, это родные стены помогали. За окном водрузилась ночь, и я немного побродив по дому, расстелил свой старенький диван. Когда я доставал постельное бельё из шкафа в зале, мой взгляд заметил висящую в углу икону. Икону, которой я не помнил. У бабушки всегда висела старая икона Георгия Победоносца в углу спальни, и она и сейчас была на своём исконном месте, но этой образа я не помнил. Из угла на меня взирал лик Божьей матери державшей на руках младенца.

19 сентября

Несмотря на внутренние опасения, мой сон не был встревожен кошмарами. Напротив, я проснулся выпавшимся и полным сил, часы на стене показывали полдевятого. Что делать? Именно этот вопрос первым возник в голове сразу после пробуждения. Мне никуда не нужно было идти, мне не чем было заняться. Если в Москве я последнее время изучал доступные вакансии и ездил на собеседования, то сейчас мне не нужно было делать даже этого. Ну да, когда мне нечем было заняться, я боролся со свободным временем при помощи спиртного. Сейчас же я отогнал от себя эту мысль. Туалет на улице. Вот от этого я действительно отвык. Накинув какой-то старый пиджак, болтающийся на вешалке, я потопал к невзрачному строению.

Я сидел на лавочке возле дома, взирая на небольшой двор, заканчивающийся длинным кирпичным сараем. Когда-то там жили куры, и ещё козы. Сколько помню себя, бабушка всегда держала коз. Да, не стало бабушки. А я вернулся, вернулся другим, вернулся убийцей. Я совершенно не представлял, как мне жить дальше, и для чего вообще продолжать существование. Выполнить свою жизненную миссию, как учат многочисленные книжные гуру? А какова она моя миссия, неужели она состояла в том, чтобы лишить жизни невинного ребёнка? Я поймал себя на мысли, что ужасно хочу курить.

Положив в карман ветровки пачку сигарет и зажигалку, я отошёл от ларька и направился к сидящей возле дерева пожилой женщине, продающей астры.

Я остановился на небольшом мосту, под которым пробегала маленькая речушка с неизвестным мне названием и впадала в наше большое мележское озеро. Озеро было, пожалуй, главной достопримечательностью города. Сюда съезжались рыбаки со всей округи, и даже с мест расположенных значительно дальше. На его берегах располагалось несколько пансионатов и детских лагерей. С уроков истории я помнил, что на самом большом острове озера, связанным с сушей тоненькой полоской шириной не более трёх метров, в шестнадцатом веке стоял огромный рубленый замок, впоследствии сожжённый при очередном вражеском набеge. Говорят, что там до сих пор находят древние монеты, и мелкие предметы быта прошлых столетий.

Табачный дым наполнил мои лёгкие, уже не вызывая острой неприязни. Глупо пытаться найти спасение в сигаретах, но мне, как и многочисленной армии курильщиков казалось, что это работает.

– Здравствуй, бабушка, – мой сухой голос растворился в тишине погоста, и от этого мне стало немного не по себе.

С гранитной плиты на меня смотрела фотография самого родного человека в моей жизни. На этом снимке она была именно такой, какой я её запомнил навсегда. Я нагнулся и положил цветы. После похорон я ни разу здесь не был, лишь единожды выслав Кудиновым переводом денег на благоустройство могилы. Печально, как быстро человек забывает тех, кто в течение всей своей жизни согревал его любовью и добротой. Вспоминал ли я за эти годы свою бабушку? Да пожалуй, нет, куда там, не до этого, весь в делах. Я всё более осознавал всю никчёмность своей былой жизни. Мысленно попросив у бабушки прощения, я направился к кладбищенским воротам. Наверное, где-то далеко, на одном из московских кладбищ рыдает молодая женщина над могилой погибшего сына.

Мои губы крепко сжали сигаретный фильтр, а рука поднесла к ним зажигалку с бледным горящим огоньком. Зачем жить? И словно в оправдание мой разум выдал альтернативный взгляд на трагическую ситуацию – для некоторых людей убийство это профессия. Работа, сделав которую они продолжают жить, наслаждаясь всеми земными радостями. Получается, что с этим можно жить, и даже более того, наслаждаться каждым новым днём. Но почему же тогда моя душа не находит покоя, почему чувство непростительной вины мощными тисками

сжимает мою грудь? Может быть, время всё изменит, и я смогу засыпать спокойно? Но кем я буду тогда? Подлым ублюдком наплевавшим на свою душу и перечеркнувшим в себе всё человеческое, или же просто покаявшимся и простившим себя грешником? Но в чём мне прощать себя, перед самим собой я абсолютно не виновен.

Под завязку набив в продуктовом магазине пакет, и не забыв приобрести несколько блоков сигарет, я двинулся в сторону дома. Бухнувшись на кровать в зале, я тупо уставился в телевизор.

24 сентября

Снова утро. Я стал его ненавидеть. Провалившись несколько последних дней на диване, не выходя никуда дальше неуютного туалета, я чувствовал себя совершенно разбитым, всё более склоняясь к мысли о спиртном. Пытаясь найти себе достойное применение, и не зная, куда себя потратить, я стал ощущать себя лишним в этом мире, думая о том, что лучше бы было мне самому стать жертвой смертельной аварии. Как просто было бы сложить с себя роль убийцы и принять образ мученика, идеальное решение.

Лениво потянувшись, я через силу заставил себя покинуть постель. Умывшись и поставив на плиту чайник, я вышел во двор.

– Долго же ты спишь, дружок, – во дворе сидел Кудинов и мусолил во рту какую-то соломинку.

От неожиданности я дёрнулся и недобро глянул на старика.

– Доброе утро, Прохор Митрич. Ты чего ж так пугаешь?

– Да какое ж это утро, – Кудинов посмотрел на редкие облака, – день уже. Долго-то ты спишь.

– А мне спешить некуда, Прохор Митрич, – я равнодушно посмотрел за забор и присел рядом.

– Ну, это как посмотреть. Это тебе сейчас кажется, что некуда торопиться, а может дело у тебя и горы, да не знаешь ты этого.

– И как такое может быть? – я удивлённо, с лёгким недоверием посмотрел на соседа, решив, что он несёт какой-то старческий бред.

– Может, Игнат, – Кудинов выплюнул соломинку и почесал щёку. – Вот у нас был случай на лесопилке. Начальник участка, ох и пропащий был мужик, с бутылки не вылезал, а всё почему? С бабами ему не везло, ну никак не клеилось. Вроде и с головой, и работающий, а никак, потому и пил. Крест он уже на себе поставил, мол, никому не нужен, землю зря топчу, просыпаться тошно. – Прохор замолчал и впал в какие-то раздумья.

– Ну и что он?

– Кто? – Кудинов встрепнулся.

– Начальник участка, – напомнил я.

– А, – сосед махнул рукой. – Весовщицу к нам новую прислали. Баба такая в теле, разведённая. Ну и любовь у них значит-то случилась. Детей родили, дом построили, зажил Гришка как человек, а то ведь совсем руки опустил-то. Видишь, а когда пьяный ходил, и не догадывался какие у него дела-то ещё впереди. Вот оно как получается.

– Ты к чему клонишь, Прохор Митрич?

– Беда у тебя вижу, Игнат. Ты не подумай, я с расспросами не полезу, и без меня тебе, поди, тошно. Просто не могу я смотреть, как ты тут один сидишь безвылазно, ей Богу, Игнат.

Ещё одно упоминание Бога. Однако это не вызвало у меня никакой реакции. Быть может, я потихоньку отдалялся от него, да и как я мог находиться рядом, когда нарушил его священную заповедь. Скорее теперь я принадлежал к лагерю его противников.

– Понимаешь, Прохор Митрич, – я закусил нижнюю губу, не зная как продолжить.

– Понимаю, Игнат, – помог мне Кудинов. – У самого всяко в жизни бывало. Но надо ж как-то жить, так что ли?

– Так, – я кивнул головой, мысленно благодаря доброго старика за его заботу.

– Ну, ты давай тогда покумекай, как что, и... – Кудинов махнул рукой и поднялся. – Завтра жду в баню. Для тебя буду топить.

– Спасибо, Прохор Митрич, – я проводил соседа взглядом и остался сидеть на месте.

Прохор, конечно, был прав, хотя если бы он знал степень моей вины, возможно, повёл себя и иначе, не знаю. Но в целом, да. На мне висит смертный грех и его не смыть ничем. Поэтому остаётся только два варианта. Первый – покончить жизнь самоубийством. Проблема. Во-первых, на это я вряд ли решусь, из-за своей внутренней слабости. Во-вторых, это тоже грех. Остаётся жить. Жить с тяжким грузом, надеясь, что возможно моя жизнь ещё кому-нибудь понадобится.

Я начал с уборки двора. Тщательно вымел осыпавшиеся листья, расставил по местам садовый инвентарь, привёл в порядок колодец. Сев на лавку я закурил. Теперь это был настоящий перекур, поскольку впереди была уборка дома.

К вечеру моё тело налилось свинцовой тяжестью, но эта усталость была приятной. Я проделал большую работу. Пройдя в зал, чтобы взять с полки какую-нибудь книгу, мой взгляд приковала икона. Взирающая на меня Божья мать. Взяв первую попавшуюся книгу, я направился в свою комнату. «Мастер и Маргарита». Булгаков. Книга, признанная шедевром мировой классики, прочтение которой я всегда откладывал на неопределённый срок. Я читал, аккуратно переворачивая листы, чтобы случайно не помять их, бережное отношение к книгам привитое бабушкой. Уже с первых страниц книга вызвало двойное ощущение. Глаза закрывались сами собой, и я, отложив произведение на подоконник, выключил торшер.

25 сентября

Осень всё более напоминала, что лето сложило с себя полномочия, и теперь она решает каким быть следующему дню. Лёгкий ветерок обдувал приятной свежестью, бросая под ноги жёлтые листья. Я медленно шагал по, до боли знакомым и практически неизменившимся улочкам. Без какой-либо цели, просто гулял, наблюдая за неспешным ритмом жизни мележан. Подойдя к городской площади, я невольно улыбнулся. Посреди, в полный рост стоял вождь мирового пролетариата с вытянутой рукой и взглядом, устремлённым в светлое будущее, напоминая про социалистическое наследие мрачных времён. Да уж, досталось матушке России от коммунистов, а мы до сих пор храним их светлые образы и идеологические лозунги. Парадокс.

Я сам того не желая вышел к базарным воротам, куда потихоньку сплывался городской люд. Сначала решив, что там мне делать нечего, я прошёл вперёд добрых метров сто, однако потом, сообразив, что именно туда мне и нужно я спешно возвратился.

– Что за деревья? – я подошёл к невысокому мужичку помятого вида, обставленному различными саженцами.

– Так это, разные, – мужчина слегка наморщил брови. – Тебе какие надо?

– Вишен нет? – я смотрел на этого невзрачного человечка и боялся, что он меня разочарует.

– Почему нет? Есть и вишни.

– Хорошие? – меня очень обрадовал ответ, и я продолжил расспрос.

– Конечно хорошие. Ягоды крупные и сладкие. Бери, не пожалеешь, слово даю.

Давненько я не чувствовал себя так хорошо. Я шагал к дому, неся на плече три молодых деревца.

– Ай, старый, смотри, что Игнат принёс, – Анфиса Степановна широко расставила руки и замерла на крыльце.

– Вот это дело, – Кудинов улыбнулся с лёгким прищуром, и цокнул на жену. – Давай иди в дом, чего уставилась. Сад будем сажать. – Он поманил меня рукой и проследовал в огород.

– Где сажать будем, Прохор Митрич? – я прислонил саженцы к старой яблоне и взял протянутую лопату.

– Так на старом месте и будем, – весело ответил Кудинов и пошлёпал к забору.

Через полчаса мы стояли и любовались молодыми вишнями.

– Спасибо, Игнат, – сосед похлопал меня по плечу. – Порадовал старика. Снова я с вишнями, а то без них как-то уже и непривычно было. Благодарствую.

– Ну что ты, Прохор Митрич, – я смущённо пожал морщинистую руку. – Мне и самому приятно.

– Есть хочешь? – выходя во двор, спросил Кудинов.

Я сделал категорический жест рукой, объяснив, что очень плотно позавтракал.

– Ага, – Прохор запустил ладонь в густые слегка склоченные волосы. – Пойду я, Игнат, полежу маленько, что-то спину ломит. Ты про баню-то не забудь, пройдёшь-то веничком по пояснице.

– Конечно, пройду, Прохор Митрич, – я погладил подбежавшего к ногам котёнка и зашагал к калитке.

Я с нетерпением ждал главного события дня. В настоящей русской бане я не был уже много лет, довольствуясь саунами и финскими парными. Тогда мне это казалось правильным, я опровергал настоящую баню, ссылаясь на то, что это удел деревенских мужиков, и вот теперь. ... Теперь я попал в число этих самых мужиков и безумно ждал вечера. Чтобы скоротать время я взял в руки неоднозначный роман.

Стук в окно заставил меня отложить книгу и выйти во двор.

– Пойдём, Игнатка, – улыбнувшись, Кудинов махнул головой, как бы указывая направление.

Я схватил заранее приготовленный пакет с банными принадлежностями и, закрыв дверь, устремился за соседом.

Пенсионер набрал в ковшик горячей воды, и сделав шаг назад, выплеснул на раскалённые камни. Через секунду помещение заполнил густой пар. Он столбом вышел из открытого гнезда печки, радуя глаз и приятно согревая тело. Я глубоко вдохнул горячий воздух, и тут же из моих лёгких вырвалось что-то наподобие сухого кашля.

– Вон оно как, – Кудинов, усмехнувшись, залез на полку и сел рядом. – Дыши, Игнат, дыши. Банька-то, она из тебя всю хворь выгонит.

Улыбнувшись в ответ, я потуже натянул войлочную шапку и, подтянув на полку ноги, обхватил их руками.

– Здорово, Прохор Митрич.

– А ты думал. Нет ничего лучше настоящей русской бани, тут как не крути. Ну что, ещё подкинем?

– Можно.

Я смахнул с лица пот и тяжело дыша, взглянул на Прохора, он заметил и понял мой взгляд.

– Пойдём, – Кудинов медленно слез с полка. – Для первого захода достаточно. Тут главное не переусердствовать, дело такое.

Мы вышли в предбанник и уселись на широкую лавку. Я откинул голову, облокотив её на бревенчатую, стену и блаженно прикрыл глаза. Тело обрело приятную слабость, лёгкая прохлада, струящаяся из приоткрытых дверей, придавала необычайную лёгкость.

– Вот Анфиса, молодец баба, – Кудинов потянулся к маленькому столику, на котором стояли две большие кружки, и, взяв одну, сделал большой глоток. – Клюквенный. Попробуй-ка, Игнат.

Взяв глиняную кружку двумя руками, я жадно припал к напитку, и, отпив добрую половину, вытер рот тыльной стороной ладони.

– Да, Прохор Митрич, никогда в жизни ничего вкуснее не пил.

– А то, – Кудинов лукаво прищурился. – Натуральный. Это тебе не гадость какая, ларёчная.

Через пару минут я вновь оказался на полке. Прохор приказал лечь на живот и достал из чана веник.

– Это что за ёлка, Митрич? – я с опаской глядел на непонятный колючий веник.

– Можжевельник это, – Кудинов ласково провёл рукой по иголкам и стряхнул с них воду. – Силы он чудодейственной, от многих недугов излечить может.

– Это садомазохизм какой-то, – я не разделял благоговения Прохора к этим колючим веткам.

– Какой ещё садомазохизм? – сосед удивлённо сморщился. – Ты эти свои словечки-то столчные оставь. А ну-ка, опускай голову.

Ветки можжевельника мягко опустились на мою спину. И если в первые секунды я почувствовал лёгкие неприятные ощущения, то с каждым последующим ударом мне всё больше нравился этот чудо-веник. Мелкие иголки приятно впивались в тело, оставляя послевкусие приятного покалывания. Всё это напоминало некий своеобразный массаж, бодрящий и расслабляющий одновременно.

– Ну, держи, – Кудинов протянул мне веник. – С передку-то себя похлестай, а я пойду, подышу. – Он, тяжело дыша, направился к двери.

После недолгой экзекуции я вышел в предбанник и поднёс к губам клюквенный морс. Всё тело зудело и горело. Но до чего же приятно.

– Ну как? – Прохор поднялся.

– Супер, Митрич, – я расставил руки, показывая, что не в силах описать всех эмоций.

– То-то, – он потянулся к деревянной ручке. – Отдыхай.

– Я сейчас, – поставив на место кружку, я взглянул на старика.

– Не надо, – Кудинов махнул рукой. – Я сам. Привык уже.

Подойдя к двери, ведущей на улицу, я слегка приоткрыл её и, высунув голову, глубоко вдохнул. Слабый ветерок донёс до меня устойчивый запах осени, всё его многообразие, сливающееся в единый аромат пожухлой листвы и чуть ощутимого дымка. Вновь пройдя в баню, я присел на лавку внизу и взглянул, как легко Прохор управляется с веником, отметив про себя необычайную ловкость этого пожилого человека.

– Ну что, Игнатка, ещё будешь? – весело подмигнул Кудинов.

– Нет, Прохор Митрич, – я отрицательно качнул головой, и подтянул к себе жестяной тазик. – Хватит с меня на первый раз.

– Ну, да и правильно, мойся, Игнатка, – Прохор набрал с бачка в ладони холодной воды и умыл лицо. – Хороша водица, колодезная.

Непередаваемое ощущение некой внутренней гармонии. Казалось бы, со стороны, вроде, как и глупо, сидишь в деревянном домике подбрасываешь водичку в печку, а она тебе взамен отдаёт своё тепло, по телу наперегонки бегут ручейки пота, бессмыслица. А нет, в глубине этого незамысловатого ритуала скрывался глубочайший смысл. И дело даже не в том, что вместе с потом выходят шлаки, и что не один душ так не отмое тело, как это делает баня. Дело в большем, помимо чистоты телесной баня ещё очищает и душу, словно забирая все проблемы и тревоги, она дарит величайшее спокойствие и умиротворённость. «Как заново родился». Это выражение действительно имеет под собой вполне реальные основания. Ты выходишь из бани совершенно другим человеком, совсем не тем, кем ты был ещё час назад.

Не принимая возражений, Прохор провёл меня в дом и усадил за накрытый стол. Хозяйка как раз дополнила последний штрих, поставив на стол бутылку холодной запотевшей самогонки.

– Анфиса Степановна, ну зачем? – я, наморщив лоб, взглянул на стол.

– Без разговорчиков, – женщина взмахнула указательным пальцем. – Я хоть и не любительница застолий, но после бани сам Бог велел.

Я скромно кивнул в знак согласия. «Бог велел». Дурацкое выражение. Когда он мог это велеть, и где это записано? Не будучи большим знатоком библии, я был практически уверен, что про это там не сказано ни слова. Бог велел, Бог всё видит, Бог даст, и множество других выражений подобного рода составляют ежедневный монолог человека со Всевышним. Странно. Что ни говори, а, пожалуй, в каждом существует невидимая нить связующая его с создателем.

– Чего задремал, Игнат, – Кудинов толкнул меня в плечо и загадочно подмигнул. – Наливай. – Он кивнул на запотевшую бутылку.

Слегка опасаясь, что моя дружба с алкоголем может возобновиться, я всё же взял бутылку, ощутив рукой её холод, и наполнил рюмки. Мне совершенно не хотелось обидеть Прохора.

– Только с погреба, – Кудинов протянул рюмку. – Давай, Игнат, за лёгкий пар.

– С лёгким паром, Прохор Митрич, – наши рюмки встретились, тихо звякнув.

– Ну как? – вопросительно взглянул сосед.

– Хороша, Митрич, ой хороша, – крепкий напиток мгновенно разлился по организму приятным теплом.

Я с хрустом откусил солёный огурец и принялся аппетитно его жевать.

– А это Марина? – я посмотрел на фотографию, стоявшую за стеклом серванта.

Кудинов, молча, кивнул.

– А с ней, – я заглянул в лицо Митрича, боясь ошибиться.
– Аннушка, – подтверждая мою догадку, произнёс Прохор. – Внучка. Дочка Маринкина.
– Это ж, сколько ей уже?
– Да, поди, – Кудинов почесал лоб, – четырнадцать летом было. Да, точно четырнадцать.
– Быстро время летит. Приезжают?
– А чего не приезжать, – Прохор слегка склонил голову. – Приезжают. – И заметно наморщив лоб, с грустью добавил: – Редко только.
– Так и живут в Екатеринбурге?
– Ага. Ох уж мне эти большие города. И чего людям на месте не сидится?
Прохор скучал по дочке и внучке, и это было заметно. Чтобы как то отвлечь его печальных мыслей, я вновь взялся за разлив.
– Давай, Прохор Митрич.
– Давай, Игнат, – Кудинов поднял рюмку. – Хорошо, что ты приехал, мне старику хоть веселей. Ты ж мне как сын, поди.

Выходил от Прохора я уже затемно. Полностью опустошив бутылку с огненной водой, мы на прощание обнялись, и я в полной мере ощутил теплоту, исходящую от этого человека, словно мы действительно были не чужие. Я зашёл в свой двор и присев на лавку закурил. В голове кружил лёгкий алкогольный туман. Мой взгляд устремился в небо. Огромные россыпи звёзд взирали на меня с недостижимой высоты, притягивая своим магнетическим холодным светом. Неожиданно в голове всплыл рассказ Прохора о пропащем начальнике участка, который жил и не догадывался, что он ещё кому-то нужен. И всё стало на свои места. Я понял, что уже сейчас есть тот человек, который остро нуждается в моей поддержке. Мой приезд разбавил унылое однообразие дней Прохора Митрича, он взбодрил заслуженного пенсионера лучше любого медикаментозного средства. Осознав это, мне стало намного легче. Кудинов жил лишь редкими приездами дочери или внучки, а всё остальное время он проводил практически в одиночестве. Конечно, Анфиса Степановна была ему верной спутницей по жизни, но всё же, мужчине нужно общение с представителями своего пола. А все близлежащие соседи были значительно моложе Прохора и, по всей видимости, не считали нужным водить дружбу со стариком. Получается, что в моём лице Прохор обрёл родственную душу, и всем сердцем желая помочь мне, сам того не осознавая помогал и себе. Мне даже стало жаль его. Человек всю жизнь к чему-то стремиться, добивается, а что в итоге? Одинокая старость? Получается, что с возрастом ты становишься никому не нужен? Задав себе эти вопросы, я почувствовал лёгкое покалывание в области сердца. А чем я был лучше дочери Митрича? Я также как и она, совершенно забывал про свою любимую бабушку, которая жила длинными перерывами между нашими встречами. По всей видимости, её одиночество было тотальным. Я закрыл лицо руками и печально выдохнул. Как горько признавать свои ошибки, понимать, что ты был в корне не прав. И как трудно держать ответ. Ответ перед самим собой.

3 октября

Молчаливой чередой дни меняли друг друга. Осень всё более вступала в свои законные права. Я стоял возле большущей кучи дров с топором в руке, мысленно настраиваясь на работу. Зима была не за горами, а дровишек в сарае раз-два и обчёлся. Прохор Митрич подсказал один телефончик и, позвонив вчера, сегодня я уже был обладателем двух прицепов добротных берёзовых чурок. Я поставил на колодку одну из них и широко замахнувшись, опустил на неё колун. Полено, тихо хрустнув, развалилось на две половины.

Я воспринимал эту работу как своеобразную игру, в мыслях загадывая, сколько ударов мне потребуется, чтобы расколоть то, либо иное суковатое полено. Отлетали куски, я нагибался, и, поднимая их, вновь ставил на колодку. Однако примерно через час эта игра стала даваться мне всё труднее. Удары уже не были столь сильными как в начале, а нагибаться за поленьями становилось сложнее. Ещё через полчаса каждый наклон отдавался ломотой в пояснице, а по вискам нещадно бежал пот.

– Покури, Игнат, чай зима не завтра.

Обернувшись, я увидел улыбающегося Кудинова. Положив колун на колодку, я направился к лавке.

– Верно говоришь, Прохор Митрич.

– Конечно, верно, – старик кивнул головой. – Завтра, поди, спинушка-то и не разогнётся. Нельзя так сразу. Ты что ж два прицепа хочешь за день порубить? – Сосед усмехнулся. – Чудак ты, Игнатка.

– Да, спина уже даёт о себе знать, – честно признался я, вытерев рукавом пот со лба и достав сигарету. – Нелёгкое это занятие.

– А то. Ты не спиши, каждый день понемножку, и за недельку справишься. И так вон, – Прохор кивнул на кучу с готовыми дровами. – Прилично наколотил. Как колун-то?

– Спасибо, Прохор Митрич. Даже и не знаю, что бы без него делал.

– Это точно, – Кудинов причмокнул. – Топором тут мороки на месяц.

После ухода Прохора я, с трудом найдя в себе силы, перенёс нарубленные дрова и аккуратно сложил их в сарае. После чего, совершенно обессиливши, рухнул на диван и закрыл глаза.

Скинув с себя оковы сна, я лениво потянулся. Вокруг была темнота, и совершенно потерявшись во времени, я протянул руку, я включил торшер. Настенные часы показывали без нескольких минут девять. Моё лицо немного сморщилось, а разум начал восстанавливать последние события. Через несколько секунд я был абсолютно уверен – за окном вечер. Подъём с дивана отозвался лёгкой ноющей болью в пояснице, а дойдя до кухни, я обнаружил ломоту во всём теле. Я лениво улыбнулся и поставил на плиту чайник. Спать мне уже не хотелось, и до конца недопив горячий напиток, я оделся и вышел во двор.

Под дежурный лай соседских собак я не спеша шагал по улице, держа руки в карманах куртки. Дорога была абсолютно безлюдной, и лишь ближе к условному городскому центру, мне начали встречаться редкие прохожие. Парень стоял возле закрытого книжного магазина, и бранным языком, широко размахивая руками, объяснял длинноволосой кучерявой девчонке, где он видал какого-то Рому и что он с ним после этого делал. В образовательную программу всё более широко включается изучение различных иностранных языков. Глупо. В наше время стоило бы сделать большой акцент на русском. Слушая, как общается между собой молодёжь, с трудом вериться в светлое завтра нашей великой державы. И, проходя мимо многообразия острых словечек, невольно задаёшь себе вопрос. Неужели и я был таким?

Около ресторана «Волна» топтались подвыпившие кучки, что-то громко крича и не менее тихо смеясь. Субботний вечер проходил в своём обычном режиме. Далее начинался

городской парк. Чудесное место: липовая аллея, переплетающиеся дорожки заканчивающиеся строением в виде огромной каменной беседки, именуемой в народе ромашкой. Она возвышалась над обрывистым берегом нашего великолепного озера, открывая чудеснейший вид на бескрайние водные просторы. Вечернее озеро. Мне безумно захотелось взглянуть на его покачивающуюся гладь, ощутить его безграничное спокойствие.

Оторвавшись от своих мыслей, я услышал странные звуки, и, присмотревшись, понял, что «ромашка» уже занята. Печально улыбнувшись, я повернул налево, намереваясь просто спуститься к берегу по песчаным скатам. Новые звуки не оставляли никаких сомнений в том, что там происходят весьма не радужные события. Немного постояв на месте, я глубоко выдохнул и восстановил прежний маршрут. Чем ближе я подходил к бетонной площадке, тем более я убеждался в своей изначальной гипотезе, и уже оказавшись возле ступенек, предо мной предстала вся картина целиком. Приметная группа из шести-семи молодых парней стояли, образуя круг, а в центре на коленях, закрыв лицо руками и упёршись головой в гранитный пол, полулежал ещё один человек. При этом через каждые несколько секунд каждый член группы, по очереди, с неподдельной злостью и нецензурным оскорблением с силой пинал лежащего парня ногой. В свою очередь тот постоянно всхлипывал и стонал от непрекращающейся боли. Сколько это продолжалось, мне было неизвестно, но чем всё это могло закончиться, я представлял отчётливо. Как у нас умеют бить, мне было известно, в лучшем случае парень останется инвалидом. Очередной удар ботинком по голове заставил его дернуться и мучительно вскрикнуть.

– Хорош, ребята, – я мельком осмотрел присутствующих, которые несколько растерялись и расступились, и прошёл в центр. Наклонившись над лежащим, до смерти напуганным парнем я сильно, чтобы привести его в чувство, потряс за плечо. Он затравлено поднял разбитое окровавленное лицо, и с опаской посмотрел на меня.

– Домой иди, – я перевёл взгляд с мальчишки на его мучителей.

Кодла потихоньку приходила в себя от моего неожиданного и довольно наглого поведения. Тупые лица молодых парней вновь обретали хищный оскал. Кажется, они начали соображать, что я совершенно один, и что произойдёт дальше, я знал наверняка.

– Домой, быстро, – громко, чтобы привести всё ещё сидевшего на граните паренька в чувство крикнул я, и, дабы усилить эффект, сильно хлопнул его ладонью по спине.

Подросток тут же правильно оценил ситуацию и вихрем сорвавшись с места со всех ног дал дёру, проносясь мимо растерянных моральных уродов, через считанные секунды он растворился в темноте парка.

– Ты чо, дядя? – высокий парень лет семнадцати нагло вылупил на меня и, взглянув на своих товарищей, ища у них поддержки, сделал шаг навстречу.

Со всех сторон в мой адрес посыпались негативные реплики. Дальнейший сценарий был известен, как и то, что в любом бразильском сериале в итоге восторжествует истинная любовь. Только финал моей истории явно носил трагический характер. Было ли мне страшно? Нет. Во мне преобладало безразличие и полная апатия к происходящему.

– Чего не в свои дела лезешь? – длинный парень, по всей видимости, находившийся в этой банде на правах старшего, исходил от злости слюной, и всё время тыкал в меня подбородком. – Крутой, да?

– Да чего с ним базарить, Антоха, – вмешался парень позади. – Валить козла, да и всё.

– Слышал дядя, что братва говорит? – долговязый сощурился в противной ухмылке. – Кирдык тебе, фраерок. Зря ты в нашу тему влез, хрен мутный.

Я смотрел, как эта подростковая стая потихоньку обступает меня, и лишь шире расставил ноги, пытаясь найти идеальную точку равновесия. Боец, это не про меня. За всю свою жизнь я ни разу не дрался. Нет, тумаки в детстве я получал, и неоднократно. Но чтобы полноценная драка, где бьют не только тебя, но и ты, в моей жизни такого не было. Поэтому сейчас я

испытывал странное и доселе неизвестное мне чувство. Настало время и мне ощутить привкус настоящего боя. Я не собирался быть безучастной жертвой, не сегодня.

Кольцо вокруг меня всё более сжималось, и не став дожидаться пока оно полностью захлопнется, я сделал стремительный шаг и, замахнувшись, что было силы, ударил долговязого кулаком в лицо. Я видел, как тело парня камнем рухнуло на гранитную площадку, и тут же ощутил, как кто-то повис на моей спине. Пока я пытался его скинуть, на меня со всех сторон посыпались удары. Я склонившись, наугад начал махать руками, и сквозь боль чувствовал что несколько раз мои кулаки нащупали цель. Голова гудела, я уже не был участником сражения, сейчас я занимал место недавнего парнишки. Я лежал на земле и пытался укрыть голову от непрекращающихся ударов. Боли не было, лишь какое-то ощущение глубокого забытья, словно я был мертвецки пьян и уже не понимал где я, и что мне тут вообще понадобилось. Осязаемые ощущения исчезли. Глаза резал яркий свет, чёрное пятно впереди понемногу обретало отчётливое очертание. Два человека, взрослый и ребёнок. Они двигались мелкими шагами, всё более приближаясь ко мне. Я старательно пытался взглянуть в их притенённые лица, и когда смог отчётливо их рассмотреть мне стало страшно и холодно. Ко мне шла моя бабушка, с доброй улыбкой, в каком-то непонятном старинном сарафане. За руку она вела маленького мальчика, который теребил в руке соломенную игрушку и что-то невнятно шептал разбитыми губами.

4 октября

– Станислав Игоревич, Сомов пришёл в себя.

Эти слова пронесли в моей голове громовыми раскатами, отзываясь тысячным эхом.

Приоткрыв веки, я увидел склонившегося надо мной мужчину в белом колпаке.

– Сомов, вы слышите меня?

– Не кричите, – тихо, почти шёпотом произнёс я, сморщившись от громящего голоса. – Где я?

– Вы в больнице, – тихо произнёс человек в колпаке. – Вы ничего не помните? Как вас зовут?

Своё имя я помнил, но предпосылки, которые уложили меня на больничную койку остались за чертой моих воспоминаний. Напряжённо пытаюсь переступить эту разделительную полосу, вскоре я расслабился, и устало закрыл глаза, ощутив невыносимую головную боль.

– Игнат. Игнат Сомов.

– Хорошо, – мужчина отошёл от меня и, посмотрев на девушку в белом халате, молча кивнул головой, а затем вновь обратил взор на меня. – Отдыхайте, я к вам позже зайду.

Дверь хлопнула, и я остался один. Я попытался осмотреться, но каждое движение отдавалось разливающейся по всему телу болью. И голова, казалось, что она вот-вот взорвётся.

Я открыл глаза. Небольшая комната. Стены, покрашенные в бледно-голубой цвет. Потолок с местами обвалившейся побелкой. Рядом стояла пустая койка. Всё верно, сомнений не оставалось, так может выглядеть только больничная палата. Дверь распахнулась и в комнату вошла молоденькая девушка в белом халате. Она поставила капельницу у моего изголовья, и молча взяв мою правую руку, нащупала вену и ввела иглу. Девушка вышла, и я опять остался один. Наблюдая, как медленно уменьшается содержимое подвешенного пакетика с непонятной бесцветной жидкостью, я постепенно ощущал, что моё мышление становится более ясным, а боль понемногу стихает. Я совершенно не заметил, как в комнату вошёл мужчина.

– Как вы себя чувствуете? – он подвинул табуретку ближе к кровати и сел рядом со мной.

– Уже лучше, – отрешённо произнёс я.

– Я ваш лечащий врач, – представился мужчина. – Станислав Игоревич Пролежнев.

– Что произошло, доктор? – мне было неприятно находиться в подвешенном состоянии, не понимая, что со мной случилось, и как я сюда попал.

– Вас избили, – Пролежнев опустил взгляд на пол и тихо добавил: – К сожалению, в нашем городе это не редкость. Надо заметить, голубчик, что вам ещё изрядно повезло. Милиция подросла почти вовремя, иначе, – Доктор прищурился и обречённо качнул головой. – Вы чем-то здорово разозлили тех ребят. Хотя, скорее всего вашей вины там и не было. Вы знаете у меня самого сын подросток и каждый раз, когда он вечером выходит на улицу, меня одолевает беспокойство. И не поверите, я боюсь не только за то, что его могут избить и покалечить, мне также становится страшно от мысли, что мой ребёнок может оказаться в числе бьющих. – Пролежнев тяжело вздохнул. – Куда катимся.

– Что со мной? – я посмотрел в печальные глаза медика.

– Сильное сотрясение мозга, многочисленные ушибы и гематомы, сломано четыре ребра, почти сутки вы находились без сознания, – озвучив перечень моих травм, Пролежнев бесильно пожал плечами.

– Ещё легко отделался, – я попытался улыбнуться.

– Ну, легко, нелегко, а дней семь полежать придётся. Вам нужно больше спать, так что отдыхайте, а я зайду утром. У меня сегодня дежурство.

5 октября

Ночь прошла беспокойно, я никак не мог найти позу, в которой смог бы заснуть. Малейшие повороты отдавались по всему телу ноющей болью. Утром, после окончания дежурства, доктор Пролежнев навестил меня, справившись о моём самочувствии. После его ухода пришла медсестра. Она сделала мне внутримышечный укол и оставила на тумбочке несколько таблеток, которые мне полагалось выпить после завтрака.

Моя память настойчиво не желала восстанавливать печальные события, которые едва не стали для меня фатальными. Последние воспоминания были о том, как я, проснувшись после заслуженного отдыха, решил совершить вечернюю прогулку. Дрова. Точно, мало того что моё тело страдало от причинённых побоев, к этому болевому букету явно прилагались неприятные ощущения растянутых после трудовых манипуляций мышц.

Дверь открылась и невысокого роста полная женщина вошла в палату, толкая перед собой передвижной столик с завтраком. Пшённая каша и небольшой кусочек отварной свинины. Что ж, я, морщась от резких покалываний в различных частях тела, с трудом принял сидячее положение, и взял в руку вилку. Покончив с едой, я закинул в рот таблетки и запил их яблочным компотом.

Своё внутреннее состояние я мог охарактеризовать всего одним словом – скучно. Сожалений и переживаний по поводу случившегося просто не существовало. Осознание того что меня могли убить приносило лишь полную апатию к самому себе. Возможно, лучше бы оно так и было. Я и так считал, что живу в долг, совершенно не заслуживая этот бесценный подарок дарованный свыше. Хотя, после того что я совершил, вряд ли мне будут рады и на том свете. Как несправедливо. Я опять мысленно обращался к Богу, спрашивая его, зачем он оставил меня жить. Как же так, он позволил умереть ребёнку ещё не познавшему радость земной жизни, и сохранил её мне, человеку, убившему этого самого ребёнка. Зачем?

Неожиданный стук в дверь заставил меня немного дёрнуться. Через секунду он повторился.

– Входите, – растеряно произнёс я, совершенно не понимая, кому понадобилось сопровождать свой приход дверным стуком.

В палату вошла ухоженная женщина средних лет и, поздоровавшись, подошла к тумбочке. Она поставила на пол рядом с тумбочкой пакет с продуктами, после подвинула табурет и села возле меня.

– Меня зовут Анастасия Андреевна, – представилась женщина. – Я мать мальчика, которого вы спасли.

– А вы ничего не путаете? – я посмотрел женщине в глаза, не совсем понимая, о чём она говорит.

– Нет, – она отрицательно покачала головой. – Вы именно тот человек, которому я обязана спасением своего Дениса. – Женщина начало учащённо моргать, пытаясь скрыть накатывающиеся на глаза слёзы.

– Понятно, – я закусил нижнюю губу и растёр левый висок. – Видите ли, Анастасия Андреевна, дело в том, что последние часы жизни напрочь вылетели у меня из головы. В общем, я не помню, как попал сюда, и что произошло до этого.

Женщина закрыла ладонью лицо и несколько секунд молчала, затем убрала руку, и пристально посмотрев на меня, слегка наклонила голову и опустила взгляд.

– Моему сыну четырнадцать лет, это мой единственный ребёнок. Позавчера я отпустила его к другу, – женщина на секунду прервалась, было видно, что рассказ дается ей с трудом. – Я сотни раз говорила ему, чтобы избегал тёмных безлюдных мест. Куда там, – женщина в сердцах махнула рукой, казалось, она вот-вот заплачет. – Эти охламоны зачем-то поплёрлись в парк. Там

их и застали эти отморозки. Его друг сразу сообразил, чем это может закончиться и убежал, а Денис, – женщина вытерла ладонью слезу. – Денис не успел. Эти сволочи потребовали у него деньги. Он отдал все, что у него было, но сумма их явно не удовлетворила. Они забрали его телефон, но кому-то и этого показалось мало, – женщина продолжала рассказ, уже не обращая внимания на скатывающиеся по щекам редкие слёзы. – Один из этих мразей приказал Денису встать на колени и собственной кепкой протереть ему ботинки. А мой мальчик, он с характером. Он отказался подчиняться им. И тогда они начали его бить, и... – Женщина достала с кармана носовой платок и вытерла слёзы. – Неизвестно чем бы это закончилось, если бы вы вовремя не подоспели. Благодаря вам Денис вырвался на свободу. Он спрятался за деревом и наблюдал, как вы вступили с этими отморозками в драку. Затем он побежал в «Волну» и попросил охранника вызвать милицию.

– В драку? – я недоверчиво взглянул на заплаканную женщину. – Вообще-то драка это не мой конёк. Вы уверены, что это действительно был я?

Женщина совершенно не обращала внимания на мои дурацкие вопросы.

– Я даже имени вашего не знаю. Как вас зовут?

– Игнат.

– Спасибо вам, Игнат, – женщина упала возле меня на колени и, взяв мою руку, принялась судорожно целовать тыльную часть ладони.

– Да вы что? – я отдернул руку и попытался приподняться, что далось мне весьма проблематично.

Увидев гримасу боли на моём лице, женщина на мгновение замерла.

– Поднимитесь, Анастасия Андреевна, – я смущённо смотрел на женщину, совершенно не зная как себя вести в данной ситуации.

Она медленно встала с колен и сев на табуретку с опущенным взглядом тихо произнесла: – Спасибо вам. Вы спасли моего сына. Вы герой, не побоялись в одиночку вступить за совершенно незнакомого вам человека. Большинство жителей нашего города поспешили бы поскорей удалиться оттуда, чтобы ненароком самому не попасть в беду, а вы...

– Да не герой я, Анастасия Андреевна, – я медленно переваривал услышанный рассказ. – Просто... Просто, так получилось. Настоящий герой ваш Денис. Он мог бы просто убежать домой, как, по всей видимости, и сделал его так называемый друг. А он не испугался и вызвал милицию. Молодец мальчишка. Как он?

– Врачи разрешили ему находиться дома, – женщина ещё раз вытерла платком глаза и даже попыталась улыбнуться. – Правда у него сломан нос и он весь в синяках, но... – Она сделала короткий взмах рукой. – Ерунда это. Главное, что благодаря вам он не стал инвалидом, или... – Женщина обречённо покачала головой. – Даже подумать страшно. Огромное вам спасибо, Игнат.

– Да чего там, если что, обращайтесь, – попытался пошутить я, чем вызвал добрую улыбку на заплаканном лице женщины-матери.

– Кстати, – она, слегка, встрепелась. – Этих сволочей задержали. Денис написал заявление, и теперь предстоит судебное разбирательство. Я надеюсь, вы нас поддержите?

Я отрицательно покачал головой, чем вызвал немалое удивление, отразившееся на лице женщины. Как я мог отправить их за решётку, сам, будучи тем, по кому плачет скамья подсудимых.

– Вы боитесь? – высказав своё спонтанное предположение, она тут же прикрыла рот ладонью. – Извините, как я могла такое подумать.

– Понимаете, Анастасия Андреевна, – я не знал, как более деликатно объяснить своё решение. – Тут дело в другом. Вы не поймёте. Я не в праве их судить.

– Отчего же, – женщина понимающе кивнула головой. – Я одобряю ваше решение, только в отличие от вас я доведу дело до суда. Ведь просто необходимо отгородить порядочных людей от этих подонков.

– Тюрьма не выход. Они придут ещё более озлобленными на этот мир, и не исключено, что поступки их будут более ужасными.

– Так, где же выход? – совершенно растерянно, обескураженная моими словами, спросила женщина.

– Я думаю в их случае в воспитании. Ребенок, которого любят и в которого вкладывают душу, вряд ли вырастет таким. Всё изначально идёт от семьи и главные человеческие основы должны закладываться родителями ещё в глубоком детстве. К сожалению, многим из них не до этого, кто-то пьёт, кто-то занят самим собой, других поглотила работа. Вот и получается, что ребёнок сам определяет своё социальное «я», на множестве негативных примеров.

– Вы знаете, – женщина задумчиво смотрела на меня. – Я об этом никогда не думала. А ведь вы в корне правы. Нам всегда легче осудить, нежели понять. Странно. – Она поднялась и кивнула в сторону пакета. – Там разные фрукты, вам сейчас нужны витамины.

– Спасибо, Анастасия Андреевна.

– Вам спасибо, Игнат. Большое спасибо, – женщина повернулась и направилась к выходу.

– Денису привет.

– Обязательно, – женщина улыбнулась. – До свидания.

Двоякие чувства терзали мою душу после её ухода. Её рассказ, проливающий свет истины на пробелы моей памяти, подтолкнул меня к глубоким размышлениям. Я, никогда не был смельчаком, и вдруг ввязался в драку, не сулившую мне ничего хорошего, чтобы помочь какому-то мальчишке. Ничего себе. Я слегка причмокнул и с трудом повернулся на другой бок.

Ближе к обеду ко мне пожаловал пожилой капитан. Он задал несколько стандартных вопросов, на которые я так и не смог ответить ввиду того, что абсолютно не помнил того, о чём меня спрашивал сотрудник правопорядка, он недовольно покачал головой и задал главный.

– Заявление писать будите?

Мой отрицательный ответ явно пришёлся ему по душе, и после того как я расписался в том, что не имею ни к кому претензий, он, не прощаясь, покинул палату.

Процедуры, обед, сон. День незаметно катился к концу.

6 октября

Следующее утро в больнице началось с прихода Пролежнева. Далее укол. Сегодня я самостоятельно ходил на завтрак. Попросив у дежурной медсестры какую-нибудь книгу, я получил небольшую пачку газет, преимущественно местного содержания. Ничего интересного я там найти и не надеялся, но в связи с угнетающим бездельем я был доволен и этим.

– Ваши таблетки, – в палату вошла молоденькая девчонка-медсестра.

Я поднял на неё взгляд и совершенно случайно один газетный разворот отделился от основной массы и соскользнул на пол.

Девушка нагнулась. При этом её халат слегка оттопырился, приоткрывая молодую подтянутую грудь. Она заметила мой взгляд, и, покраснев, спешно протянула мне разворот и, молча, удалилась. Да, долгое отсутствие в моей жизни женщины делало своё дело, и от этого было не уйти. Природа. Мужское начало. Даже находясь в плачевном состоянии, я провожал симпатичную медсестру вожделенным взглядом.

Своему вечернему гостю я был несказанно рад. Часов в шесть меня навестил Прохор Кудинов.

– Ну как ты, Игнатка? – с порога спросил Прохор.

– Как видишь, Прохор Митрич, отдыхаю.

– Ага, эко тебя угораздило, – Кудинов сел рядом и почесал бороду. – А я понимаешь, потерял тебя. Ну, думаю, загулял, дело молодое, – Кудинов хитро подмигнул. – А ты и вчера не появился. Ну, это мне, старая посоветовала позвонить в милицию да в больницу. Вон оно как, тут тебя и отыскал. Что произошло-то?

– Да, – я недовольно сморщился. – Оказался не в том месте не в то время.

– Ну да, оно бывает, – кивнул Прохор. – Особенно по субботам, как стемнеет.

– Точно, – я улыбнулся, оценив шутку.

– Здоровье-то как?

– Уже ничего, потихоньку иду на поправку. Правда ещё с дней пять придётся поваляться.

– Ты лечись, спешить-то некуда.

– Да скучно здесь, Прохор Митрич, хоть волком вой. – Я взглянул сначала на пустую кровать, затем на Прохора. – А ты давай ко мне перебирайся, вон место свободное. Вдвоём оно веселей будет.

– Оно конечно, – усмехнулся Кудинов. – Вот доктор-то обрадуется, когда обнаружит на койке непонятного деда. Погонят меня отсюда, Игнатка, как бешеного кота. Так что ты уж как-нибудь сам, а я тебя дома подожду.

– Придётся, – я обречённо вздохнул. – Ты там за хатой приглядывай, Прохор Митрич.

– Конечно, пригляжу. Не один год смотрел и ещё недельку выдержу.

Я благодарно кивнул.

– Держи вот, – Кудинов положил на тумбочку небольшой пакет. – Там тебе Анфиса пирогов с грибами напекла.

– Вот спасибо, – я по-настоящему обрадовался этому угощению. – Передай Анфисе Степановне мою благодарность.

– Выздоровеешь, сам передашь, – Прохор поднялся с табуретки. – Пойду я, Игнат, мне ещё с хозяйством управляться.

– Спасибо что зашёл, Прохор Митрич.

– Ну, ты давай, не хворай, ждать тебя буду, – Кудинов мелкими шагами пошёл к двери. Открыв её, он на секунду обернулся и лукаво подмигнул.

От ужина я отказался, взяв только стакан с чаем. Мне казалось, что за всю свою жизнь, я не ел ничего вкуснее этих пирогов, начинённых лесными грибами.

14 октября

Наконец мои больничные страдания были закончены. Я шагал по улице, наслаждаясь свежим прохладным воздухом. Засунув руку в карман, я невольно нащупал пачку сигарет. Странно, находясь в больнице, я даже не вспоминал о табаке. Надо же, а сейчас, когда я держал сигареты в руке, мне безумно захотелось курить. Я достал одну и, засунув в рот, поднёс к ней зажигалку. Мне не очень хотелось идти домой, и я бродил по городу до тех пор, пока мой организм не объявил мне голодный протест. Проходя мимо автовокзала, я подошёл к приметному ларьку. Через несколько минут я держал в руке, с виду, весьма аппетитный хот-дог.

«Платная автостоянка». Вывеска с большими буквами висела прямо на воротах этой же стоянки, надо заметить, единственной в городе. Мой взгляд привлёк квадратный клочок бумаги, приклеенный на бетонном столбе, один край которого нещадно трепал ветер. Я подошёл ближе.

«Для работы на стоянке требуется охранник», – гласила надпись.

Я прошёл на территорию, и, осмотрев немногочисленные автомобили, направился к двухэтажной кирпичной будке. Поднявшись по крутой железной лестнице на второй этаж, я открыл дверь и прошёл внутрь. За столом сидел молодой парень с ярко-рыжими волосами, тупо уставившись в экран старого телевизора. Заметив меня, он перевёл взгляд.

– Добрый день, – поздоровался я.

– Здравствуйте.

– Подскажите, там объявление на воротах.

– Насчёт работы, что ли? – перебил меня парень.

– Именно.

– Устроиться хочешь? – парень, сообразив, что я не клиент автоматически перешёл на «ТЫ».

– Есть такая мысль. Вот хотелось бы узнать нюансы.

– Отлично, – рыжий слегка приподнялся на стуле и постучал пальцами по столу. – Меня Максимом зовут, можно просто Макс.

– Игнат, – представился я.

– Садись, Игнат, – парень кивнул на стул. – Работа в принципе несложная, график нормальный. Вот только, – Макс многозначительно прищелкнул. – Платят мало.

– Ну, деньги для меня не главное, – я слегка улыбнулся, понимая как это, наверное, глупо звучало со стороны.

– Вот это парень, – Макс улыбнулся в ответ и пожал плечами. – Ты нам сейчас позарез нужен. А то мы с Гриней и Иванычем задолбались тут куковать. Доплата мизерная, а свободного времени в обрез.

– Где оформляться? – решительно спросил я.

– Мы это, – начал объяснять Макс, – к ЖКХ относимся, туда тебе и надо. Знаешь где?

– Приблизительно.

– Слободская, четырнадцать. Отдел кадров.

– Понял, – я кивнул головой и поднялся со стула.

– До встречи, коллега.

Я на всякий случай посмотрел на часы, прикидывая до которого часа может работать контора ЖКХ. Три пятнадцать. Успеваю по любому.

Уже через полчаса я беседовал с начальником отдела кадров, толстой краснощёкой тёткой, которая вопреки своей не очень приятной внешности произвела на меня положительное впечатление. Она долго объясняла мне специфику работы, ссылаясь на различные случаи из

своего богатого трудового опыта, и в итоге записав в толстую тетрадь мои данные, рассказала, какие документы необходимы для оформления, и велела приходить завтра с утра.

Подходя к дому, я обнаружил, что количество поленьев около забора значительно уменьшилось. Пессимистично улыбнувшись, я в душе осудил воровство и направился напрямик к Кудиновым. Проболтав с Прохором в принципе ни о чём с полчаса, я зашёл домой, не спеша выпил кружку чая и пошёл в сарай за колуном. Нужно было спасти остатки изрядно поредевших чурок, а то к утру их количество могло оказаться критическим. Воровство в России больше чем воровство – это стиль жизни. Не один здравомыслящий гражданин не пройдёт мимо чужого плохо досмотренного добра, даже если оно ему самому без надобности. Это у нас в крови, и от этого не куда не деться. Менталитет.

Войдя в сарай, я на некоторое время замер. Надо же. Вплотную к моему ряду аккуратно сложенных чурок примыкал ещё один, и я к этому не имел никакого отношения. Кудинов. Прохор Митрич постарался, как пить дать. Взяв колун я направился к куче, в душе благодаря соседа, но отметив, что при встрече обязательно отругаю его. Не в его возрасте колуном махать, тут уж беречь себя как-то надо. Хотя, помощи ему ждать неоткуда, вот и привык старик всё сам делать.

15 октября

В восемь утра со всеми необходимыми документами я уже стоял около двери, табличка на которой гласила: «Усова Ольга Петровна. Начальник отдела кадров».

На собственном опыте я знал, что руководители советского типа всегда приходят на службу немного раньше, и с полной уверенностью постучал в дверь.

– Войдите, – раздался из-за двери голос.

Я распахнул дверь и прошёл в кабинет.

– Здравствуйте, Ольга Петровна.

– А, – женщина подняла на меня взгляд, – заходи. – И, мимоходом заглянув в тетрадь, добавила: – Сомов.

Моё оформление, инструктаж и личные наставления госпожи Усовой заняли где-то час. Она повторила все то, о чём рассказывала вчера, добавив несколько свежих штрихов, и внесла свежую запись в мою трудовую книжку.

– Поздравляю. Выполнили число трудящихся граждан, а это очень почётно.

В душе я усмехнулся. В её фразе явно не хватало слова «советских», вот тогда бы это было бы настоящая истина социалистической направленности. А так это звучало, по меньшей мере, смешно. Как же надёжно в нас вбит гвоздь коммунистического прошлого, и ведь никакой фомкой его не выдрать с тех, в ком ещё жива память о «правильном» пути советского гражданина.

– Спасибо, Ольга Петровна, – отпартовал я, наиграно вскочив со стула и вытянувшись по струнке. – Когда приступать?

– Сегодня и приступай. Смена начинается в восемь вечера, попрошу не опаздывать.

Ещё раз, поблагодарив весьма колоритного кадровика, я вышел на улицу и закурил. Какая-то лёгкая радость бродила глубоко внутри меня. Я действительно был очень рад, что получил эту работу, и даже более того, пожалуй, я меньше радовался, когда получал своё последнее назначение в Москве. Вот ведь оно как бывает.

Зайдя в магазин, я купил различных полуфабрикатов и направился в сторону дома.

– Здравствуй, Прохор Митрич, – я заметил маячащего в палисаднике Кудинова и поспешил к нему. – Чем занимаешься?

– Да, Анфиса сказала, чтобы быльё повывёргивал, – сосед кивнул на пожухлые остатки цветника. – А тебе чего не спится?

– На работу устраивался, – с гордостью сообщил я.

– Вот как? – Прохор воткнул вилы в землю, и подошёл вплотную к деревянному забору. – И куда, если не секрет?

– Да какой секрет, Прохор Митрич, тем более от тебя, – я скорчил слегка обиженную гримасу. – На автостоянку, сторожем.

– Это что напротив рынка?

– Она самая.

– А что, – Прохор изобразил свой фирменный прищур, – молодец, Игнат. Чего без дела по городу шлындать, мужчина должен работать. И что за график?

– Хороший график. Сутки через трое.

– Да, – старик почесал бороду, – и то верно, хороший. Чего набрал-то? – Кудинов кивнул на пакет.

– Еды разной, – я махнул рукой. – Полуфабрикаты.

– Понятно. На работу когда?

– Сегодня, к восьми.

– Не забудь, завтра пятница, – напомнил Прохор, и загадочно улыбнулся. – А что у нас по пятницам?

– Баня, – сообщил я. – После смены прямиком к тебе, Прохор Митрич.

– Ну, давай, Игнат, – Кудинов вновь взял в руки вилы.

– За дрова спасибо, – неожиданно вспомнил я. – Не нужно было.

– Да чего уж там, – не оборачиваясь, буркнул Прохор. – Я ж помаленьку.

Придя домой, я поставил воду дляпельменей, и, вытащив с сарая охапку старых дров, кинул их возле печи. Маленькие языки огня весело побежали по сухому дереву, все более разрастаясь, и заставляя куски берёзовых поленьев шипеть и слегка потрескивать. После еды я решил окончательно разобраться с остатками поленьев, и, водрузив на плечо колун, вышел за ворота.

– Бог в помощь, – раздался чей-то голос за моей спиной.

Я обернулся. Возле меня стояла и мило улыбалась соседка их дома напротив. Стройная женщина лет сорока, с добродушным простым лицом. Я не раз видел через забор, однако знакомы мы не были.

– Спасибо, – я также ответил улыбкой.

– Меня Светой зовут, представилась женщина, при этом слегка покраснев, и указала на свой дом. – Мы с мужем напротив живём.

– Игнат, – положив колун и вытерев со лба пот, представился я. – Вот дровишки на зиму готовлю.

– Вы внук Лидии Александровы?

Я кивнул в ответ.

– Она много о вас рассказывала. Я иногда заходила к ней, она вами очень гордилась. Вы тут теперь жить будете?

– Буду, – уверенно подтвердил я.

– Очень рада соседству, – застенчиво сообщила Светлана. – Если что, заходите.

– Обязательно.

Я провожал её взглядом, наблюдая, как она заходит на территорию своего дома. Она закрыла калитку и помахала мне рукой.

Перенеся остатки готовых дров в сарай, я потянулся, пытаясь расправить уставший позвоночник, и присел на лавку во дворе. Табачный дым наполнил мои лёгкие, принося некую умиротворённую расслабленность. Я взглянул на часы. Стрелки показывали без десяти три. Решив, что не мешало бы и вздремнуть, так как работать по ночам мне не доводилось, улёгшись на диване, я завёл будильник и взял в руки заложенный роман Булгакова.

Барабанный стук в окно выдернул меня из приятных объятий дневного сна. Я растёр ладонями глаза, и, думая, что меня решил навестить Прохор, пройдя на кухню, снял крючок и открыл входную дверь. На пороге, закрывая лицо руками и тихо плача, стояла Светлана. На ней был одет лишь тонкий халат, на ногах домашние тапочки. Женщина дрожала и молча всхлипывала.

– Проходите, – я шире открыл дверь, и Светлана тут же зашла в дом, и сев возле тёплой печки убрала от лица руки.

Её нижняя губа была разбита, из неё тонкой струйкой катилась кровь. На левой щеке красовался синяк.

– Что произошло? – я растеряно смотрел на женщину, совершенно не зная, что нужно делать.

– Муж, – сквозь слёзы произнесла Светлана. – Пьёт он сильно, а когда пьяный ему только повод дай чтоб руками помахать. Он сегодня видел, как мы разговаривали. – Женщина повернула голову в мою сторону. – И результат не заставил себя долго ждать.

Ничего не говоря, я сходил в зал и, порывшись в тумбочке, где бабушка обычно хранила все, что связано с медициной отыскал баночку йода и кусок ваты.

– Голову поднимите, – я встал около Светланы и, промокнув ватку, приложил к её разбитой губе. – Держите.

Женщина кивнула головой в знак благодарности.

– Я так понимаю, что избиения со стороны мужа происходят постоянно, почему вы решили прийти ко мне?

Светлана отодвинула вату и тяжело вздохнула.

– Сегодня Васька сам не свой. Обычно поколотит немного, да и успокоится. А тут убить грозился, за нож хватался, вот я и убежала от греха подальше. Боюсь я его, он, когда выпьет такой дурак.

– И что же вас заставляет с ним жить?

– Ну как что? – казалось, этот вопрос вверг мою соседку в состояние полного недоумения. – Пятнадцать лет ведь вместе, дочка у нас.

– И все пятнадцать лет он пьёт и избивает вас?

– Нет, но, – Светлана махнула рукой, – сначала-то это было не часто, так иногда поколотит, и выпивал всего несколько раз в неделю. Ну а с годами. – Она опустила голову и замолчала.

– А, дочь ваша где?

– В областной больнице Настенька, на обследовании. Плохо ей последнее время, бледная вся, ослабленная. Наши врачи ничего толком не сказали, вот и пришлось её в область, там-то хоть оборудование. Пять лет у нас с мужем ничего не получалось, меня во всём винил. А десять лет назад родилась Настенька, цветочек мой ненаглядный.

Вся эта ситуация подвергла меня в маленький шок. Или я был достаточно глуп, или просто чего-то не понимал. Как можно жить с человеком, который тебя постоянно унижает, пятнадцать лет. Этого я просто не мог понять, хотя предполагал, что большинство семей в нашем городе, да что там город, по всей нашей необъятной родине именно так и живут. Женщины с покорностью терпят оскорбления в свой адрес и даже больше того, ссылаясь, мол, что с него взять, пьяный – дурак. А то, что он пьяный через день да каждый день, это было нормально. Покорному смирению провинциальных женщин можно только позавидовать. Последнее доброе слово от своего мужа они, наверное, слышали ещё на собственной свадьбе, где он клятвенно обещал любить сою супругу и всю жизнь носить на руках. Только по истечению недолгого времени клятвы эти забывались, а руки служили лишь для того чтобы поднимать стакан со спиртным, да ещё заезжать свой суженной по физиономии. Мне не было жалко этих женщин, они сами выбирали свою судьбу. Я считал, что раз ты столько лет всё это терпишь, значит, в принципе тебя всё устраивает, хотя, на то чтобы всё бросить и изменить привычный жизненный уклад, нужна сила, и как раз таки её российским жёнам ой как не хватало. Мне было печально думать о детях, растущих в подобных семьях. Вот она, дочь Светланы. Что она видела за свои десять лет? Постоянно пьяную морду отца и слёзы матери. И о каком нормальном психологическом развитии ребёнка можно говорить? Девяносто процентов из ста, что её жизнь сложится именно также как и у её матери, ведь другой жизни она не видела, и для неё это норма.

Я смотрел на женщину, съежившуюся и зажатую, в принципе молодую красивую женщину, которая просто нуждалась в любви, тёплых словах и надёжном мужском плече, и которая никогда ничего этого не видела, и мне становилось до боли грустно. Что мы делаем со своей жизнью? Неужели жизнь это путь печали и страдания? Или просто человек сам загоняет себя в эти рамки, и на какое-то мгновение там задержавшись, у него уже не хватает сил вернуться в мир радости и счастья.

– Света, – я попытался поставить вопрос деликатно, чтобы ненароком не обидеть и без того печальную женщину, – а вы не думали что с мужем можно расстаться и начать нормальную жизнь.

– Нет, – она удивлённо заглянула мне в глаза. – Кому же я теперь нужна? Не девочка уже, и ребёнок взрослый на руках.

Вот, наверное, я получил ответ на главный вопрос, почему? Светлана элементарно боялась остаться одна. Ей, как и сотням тысяч других девочек с детства вбивалась, что женщина хранительница семейного очага, мать, жена. Она должна быть рядом со своим мужчиной, заботиться о нём, делить с ним печали и радости. Именно так. И они и в мыслях не могли представить, как это можно быть одной, ведь рядом должен быть мужчина, ведь только рядом с ним она сможет ощущать себя полноценной женщиной. Бред. Путь скорбного смирения. Находиться рядом с вечно пьяным скотом, только потому, что он физиологически мужчина? Смешно.

– Лучше всю жизнь одной, чем так, – не выдержав идиотской логики своей соседки, я прямолинейно высказал своё мнение. – Если вам безразлична своя собственная судьба, подумайте о своей дочке.

Светлана подняла взгляд и понимающе кивнула головой.

– Мне нужно на работу, – сообщил я. – Вы можете остаться, не думаю, что вам сегодня нужно появляться дома. На столе ключ, если захотите уйти, закройте дверь и положите его под коврик.

Я оделся и, пожелав Светлане спокойной ночи, слегка подбодрив её глупой фразой, что всё будет хорошо, вышел на улицу. Город уже вовсю погрузился, в ещё непривычные для столь раннего времени объятия темноты. Временной отрезок пути до моей новой работы составлял не более пятнадцати минут размеренного шага.

– Здравствуйте, – я зашёл на территорию стоянки и подошёл к курящему около будки человеку.

– Здравствуй, здравствуй, – худощавый мужчина лет пятидесяти с радостью протянул мне руку. – Ты, наверное, Игнат?

– Точно.

– Ну, тогда будем знакомы. Я – Сергей Иванович, можно просто Иваныч.

Мужчина положил мне руку на плечо и кивнул на молчаливо стоящие автомобили.

– Пойдём с хозяйством познакомлю.

Мы обошли территорию стоянки, с целью моего ознакомления с нестандартной нумерацией мест, проверили первый этаж будки, в котором хранились дрова и различный хозяйственный инвентарь, и в итоге поднялись на второй. Вполне уютная комната. Стол, несколько стульев, телевизор. В специально оборудованном углу стояла компактная печка типа буржуйка, и наполняла помещение приятным теплом. Иваныч ознакомил меня с регистрационным журналом, объяснил, как правильно выписывать квитанции и пользоваться кассовым аппаратом.

– Ну, давай, Игнат, удачи, – Сергей Иванович вновь засунул в рот сигарету и пошёл к воротам.

Я с лёгкой улыбкой смотрел на своё новое хозяйство. Ровным счётом двадцать пять автомобилей красовались на площадке вместимостью чуть более пятидесяти мест. Сергей Иванович объяснил, что к выходным их количество резко возрастает ввиду притока приезжих. Свирив посчитанные автомобили с журнальными записями, я принёс охапку коротеньких поленьев и несколько штук закинул в практически выгоревшую печку. Я сел за стол и выложил с кармана сигареты. Выпустив сверху кольцо едкого дыма, я по-доброму засмеялся. Никогда не думал, что буду работать сторожем, и что самое интересное мне это начинало нравиться. Приблизительно через полтора часа после моей смены стоянку залил свет фар, мой первый клиент. Я вежливо поздоровался с поднявшимся наверх мужчиной, поинтересовался, на какое место тот

поставил машину и, выписав квитанцию, принял деньги. Около одиннадцати пожаловал второй автовладелец.

Следуя инструкциям Иваныча, в полдвенадцатого я закрыл ворота, и обошёл вверенную мне территорию.

16 октября

Во втором часу ночи организм всё более желал погрузиться в сонное забвение. И дабы воспротивиться этому я вышел на улицу и совершил очередной обход. Слегка морозный воздух, небо с россыпью мерцающих звёзд, прекрасная ночь. В своём новом офисе мой взгляд напоролся на стоящий, на подоконнике электрический чайник. Открыв дверцу тумбочки, я обнаружил там всё необходимое для чаепития. Через десять минут я мелкими глотками потягивал ещё дымящийся кофе, надеясь таким способом хоть немножко взбодриться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.